

Сюзи Моргенштерн

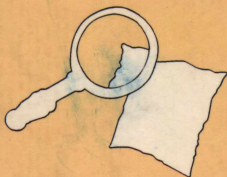
дети о.г.и

Письма о любви от 0 до 10

КНИЖКИ НА ВЫРОСТ
МОСКВА О.Г.И

Дорогой Эрнест, Привет!
С днем рождения! С новым годом!
Счастливого рождества! Удачи!
Счастливого пути! Будь здоров!
Happy birthday! Христос воскрес!
Здоровеньки булы! Совет да
любовь! Have a good day!
Примите, глубокоуважаемый
Эрнест Морлес, уверения в моем
нижайшем почтении.
Нежно обнимаю, твой друг
Вениамин.
P.S. Ты говорил мне, что ни разу в
жизни не получал писем. Вот тебе
письмо номер один.

Это первое в жизни Эрнеста письмо
оказалось далеко не последним.
После него мальчик получил целый
ящик писем. Писем о любви...

Programme

Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы "Пушкин" при
поддержке Министерства
иностраннных дел Франции
и посольства Франции в России.*

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

Susie Morgenstern
Lettres d'amour de 0 à 10
Pour Philippe Silvy

L'école des loisirs Paris, 1996

Сюзи Моргенштерн

Письма о любви от 0 до 10

Посвящается Филиппу Сильви

Москва О·Г·И 2005

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)
М79

Перевод с французского: К. Мильчин
Художественное оформление: М. Авцин
Иллюстрации: К. Зейтунян-Белоус

Programme

*Изданием осуществлено в рамках
программы "Туниски" при
поддержке Министерством
интерпретации для Франции
и посольства Франции в России.*

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Poudibou avec le soutien du Ministère
des Affaires Étrangères français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

Моргенштерн С.

М79 Письма о любви от 0 до 10: Повесть / Сюзи Моргенштерн; Пер. с фр. К. А. Мильчина.—М.: ОГИ, 2005. — 136 с.: ил. — (Дети ОГИ / Книжки на вырост).

ISBN 5-94282-323-5.

В течение десяти лет жизнь мальчика Эрнеста протекала по одному и тому же сценарию, пока в ней не появилась Викторина. Вместе с ней в жизни Эрнеста появились телефон и телевизор, кинотеатр и супермаркет, любимое блюдо и воскресные прогулки. Семья Викторины подарила Эрнесту радость жизни, а слова «друг» и «брат» обрели реальное значение. А еще в жизни Эрнеста появились отец и пять родных сестер.

Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

ISBN 5-94282-323-5

© 1996, l'école des loisirs, Paris
© К. А. Мильчин, перевод
на русский язык, 2005
© ОГИ, 2005

1. Эрнест

н медленно шел к своему дому. По сторонам он не смотрел. Он шел одной и той же дорогой и других не искал. Шел всегда по одной и той же стороне улицы. Утром — в школу, днем — домой.

Он с трудом поднимался по пятидесяти семи ступенькам на третий этаж. Он не перепрыгивал через ступеньки, он не спешил. Торопиться ему было некуда. Десять лет его жизни прошли без беготни, это была неподвижность преждевременной старости.

У себя в комнате он снимал ранец. Его комната была меньше других завалена всяким барахлом, просто потому что она была самая маленькая. Нечто среднее между тюремной камерой и монастырской кельей: кровать, стол, стул, шкаф. Все в безупречном

порядке. Он доставал тетрадки и учебники, но, прежде чем приняться за домашнее задание, шел на кухню. Там его ждал полдник.

Большое зеленое яблоко и сухарик лежали на столе с двенадцати. Домработница всегда оставляла их на скатерти, убрав посуду после обеда. Полдничное меню почти никогда не менялось.

Яблоко становилось тошнотворно-противным после нескольких съеденных кусочков. Но он терпеливо доедал его до конца. Потом наставала очередь домашних заданий. Он всегда делал их внимательно и сосредоточенно. Он знал, что чем скорее он покончит с уроками, тем скорее сможет заняться любимым делом — порыться в единственном шкафу, не запертом на ключ.

Когда Бабушка слышала скрип открывающейся дверцы книжного шкафа и звяканье стекла, она выходила из своей комнаты и садилась рядом с Эрнестом.

«Добрый вечер, Бабушка», — сказал Эрнест, садясь на потертый бархатный диванчик. Никто не называл Бабушку по имени — Бриллианта. Было очень сложно представить, что кто-то может так к ней обратиться.

Бабушка кивала ему в ответ. Она была человек неразговорчивый. Эрнесту порой казалось, что если она станет чаще говорить и больше двигаться, то просто развалится на множество мелких кусочков. Ей исполнилось восемьдесят лет, и она была настоящей старухой, вроде бабушек из сказок. Кожа у Бабушки была морщинистая и сухая, и Эрнест боялся, что если однажды она улыбнется, то тут же рассыплется в прах. Но Бабушка никогда не улыбалась.

Она ходила с трудом, ела без аппетита, ухаживала за внуком из чувства долга. Кроме нее, заниматься им было некому.

Эрнест оказался на ее попечении с самого рождения. Его мать умерла сразу после родов. А мужчины в семействе Морлесов по традиции умирали, попав под колесо истории: дедушка Эрнеста погиб во время Второй мировой войны, прадедушка — во время Первой мировой, а отец исчез таинственным образом сразу после похорон матери, когда Эрнесту было всего пара дней от роду.

Таким образом, Бабушка потеряла собственного отца в пять лет, мужа — в тридцать лет, сына — в семьдесят. Она осталась с ребенком, вырастить которого у нее не было ни физических, ни моральных сил.

Но она сделала то, что должна была сделать.

Она немедленно наняла женщину, чуть помоложе себя, чтобы та кормила ребенка и ухаживала за ним. Эта женщина, которую звали Жерменой, в ту пору только что потеряла мужа. Детей у нее не было, и в домработницы она пошла не ради денег, а чтобы

как-то покончить с одиночеством. Две женщины быстро нашли общий язык, так как у них были общие принципы... Много принципов. Они жили бок о бок, почти не пересекаясь друг с другом. Госпожа Морлес предложила Жермене одну из многочисленных комнат в квартире, но Жермена предпочитала приходить и уходить. Она оставалась на ночь, лишь пока Эрнест был совсем мал и еще в те дни, когда на улице лил дождь.

Жермена, как уже говорилось, была тоже стара, но она пыталась скрыть свою старость под толстым слоем самого современного макияжа. Косметика Жермены была единственной современной вещью в доме, где не было никакой новой техники: ни кухонного комбайна, ни электрической мясорубки, ни телевизора. Жермена вела неустанную войну с седыми волосами, морщинами и жировыми отложениям. Но она полностью проиграла войну с унынием, царившим в доме. Первые годы она еще немного разговаривала с Эрнестом, и это были единственные слова, которые ребенок слышал. Но потом, когда он пошел в школу, Жермена стала такой же молчаливой, как и ее хозяйка. Все общение сводилось лишь к несколькими фразами, и то в случае самой крайней необходимости. Но такая необходимость в доме, где все шло как-то само собой, по привычке, по старинке, возникала очень редко.

Жермена занималась кухней и покупками. Она могла бы заказывать продукты по телефону, но телефона в доме не было. Еще одна пожилая дама, подруга Жермены, занималась уборкой. Грязное белье отправляли в прачечную.

Госпожа Морлес была мрачна и безмолвна, словно статуя. Раньше она любила читать, сидя рядом с Эрнестом. Теперь ее глаза слишком быстро уставали. Иногда Эрнест отрывался от чтения и поднимал голову — Бабушка, держа спину прямо и не опуская головы, сидела в кресле и дремала. Иногда она похрапывала, это слегка оживляло тишину, которую обычно нарушало лишь тиканье часов. Эрнест знал, что Бабушке было бы неприятно узнать, что она храпит, поэтому он никогда не говорил ей об этом.

Как бы глубоко Бабушка ни спала, ровно в восемь вечера она просыпалась, чтобы послушать новости. Радиоприемник был древний, одна из самых первых моделей. Отыскать на нем «Радио-1» было так же сложно, как партизанам времен Второй мировой войны поймать передачи «Радио Свободной Франции» из Лондона. И помех было столько же. Госпожа Морлес слышала плохо, а дикторы не знали, что каждую фразу следует повторять по три раза. Впрочем, это не имело большого значения, так как госпожа Морлес особо не интересовалась миром. Она реагировала только на отдельные слова, отдельные имена собственные. Например, если диктор произносил «Германия», Бабушка со вздохом повторяла: «Германия». Ей было важно каждый вечер включать радио ровно в восемь, потому что так она поступала испокон веков.

Эрнест, напротив, внимательно слушал всю передачу от начала и до конца, как будто ждал ответа на волновавшие его вопросы. Правда, его не интересовали ни политика, ни выборы, ни политические деятели.

Он спокойно сидел на старом диванчике и ждал Третьей мировой войны, которая, так же как и предыдущие, положит конец жизни очередного Морлеса.

Ровно в половине девятого Морлеса ужинали. Если они всегда одно и то же — суп. Суп хорошо усваивается, помогает расти и сулит спокойный сон ночью при условии, что в нем нет ни соли, ни перца. Жермена по вечерам не приходила. Эрнест сам разогревал суп, а после еды ставил грязные тарелки в раковину. Потом он послушно шел спать. Ребенку нужно побольше спать. Перед тем как отправиться в ванную, Эрнест всегда говорил: «Спокойной ночи, любезная Бабушка, доброго сна». Бабушка моргала глазами в знак согласия.

Итак, жизнь Эрнеста протекает всегда по одному и тому же сценарию. По утрам он встает без труда (ведь он любит трудиться), съедает два сухарика с померанцевым вареньем, которое присылает с юга кузина Жермены, выпивает стаканчик теплого молока, повязывает галстук, берет ранец и отправляется в школу. В полдень он всегда возвращается домой обедать, так как ни бабушка, ни Жермена не питают доверия к школьной кухне. На их кухню консервам и свежемороженым продуктам вход воспрещен. Рыбы у них быют хвостами, картошка попадает в кастрюльку прямо с грядки, а не из пакета или банки. Госпожа Морлес больше всего боится соли, сахара и дурного влияния. Жермена считает школьную столовую рассадником протухшего мяса, прогорклого масла и излишнего шума.

У Эрнеста нет ни джинсов, ни спортивного костюма. Два раза в год в дом приходит портной, он снимает с Эрнеста мерку и шьет ему костюм без фасона,

то ли двадцатого века, то ли девятнадцатого. Больше всего этот костюм напоминает одежду воспитанника английского пансиона. Этот же портной поставляет Эрнесту рубашки, галстуки, платки, трусы и пальто.

Эрнест так странно одет, что никто из школьников не рвется с ним общаться. Но его это ничуть не огорчает. Он избегает одноклассников, не из отвращения, а из осторожности. В классе над ним никто не сме-

ется. К нему привыкли. Учится Эрнест хорошо, он первый ученик в классе. Проблемы у него бывают только с сочинениями, особенно когда нужно написать что-нибудь на тему «Что я видел по телевизору», «Как я провел лето» или «Чем я занимался в воскресенье».

Эрнесту в воскресенье заняться решительно нечем. Этот день у него еще скучнее, чем будни. Минуты текут, как капли из прохудившегося крана.

Жермена приходит лишь для того, чтобы приготовить воскресный обед — мясо с овощами, а на сладкое — компот.

После обеда госпожа Морлес ведет Эрнеста в гостиную, снимает ключ, висящий на ее увядшей груди, отпирает украшенный инкрустациями шкафчик и достает оттуда фарфоровую шкатулку, в которой лежит письмо. Бабушка и внук устраиваются возле столика, у которого вместо ножки — позолоченный лев.

«Милая Бабушка, вы можете его прочесть?» — спрашивает Эрнест.

Мадам Морлес вынимает письмо из конверта, с тысячью предосторожностей разворачивает его и впиается в текст глазами так внимательно, как если бы в нем были заключены все тайны вселенной. Беда в том, что прочесть этот текст невозможно. Эрнест прекрасно знает это, но тем не менее каждое воскресенье он еще сильнее надеется узнать, что же там написано. Но даже Эрнест, круглый отличник, все равно не может разобрать ни одной буквы. В письме нет ни А, ни Б, ни В, одни лишь причудливо сплетенные крючки. Они о чем-то говорят, даже кричат, но о чем — непонятно. Это письмо отправил из маленькой прифронтовой деревушки прадедушка Эрнеста. Из всех тайн дома Морлесов это была, пожалуй, самая главная, ну, или, может быть, вторая по значению тайна. Эрнест верил, что если он и дальше будет круглым отличником, то когда-нибудь разгадает все эти тайны.

2. Виктория

 Эрнест никогда не улыбается. Если во время урока в классе начинают о чем-то спорить, он высказывает свое мнение, только если учитель произносит его фамилию.

Он всегда говорит по делу, отвечает четко и ясно, находчиво и здраво. Эрнест любит школу, так как музыка слов скрашивает его одиночество. Вдобавок он надеется, что рано или поздно знания, приобретенные в школе, помогут ему расшифровать загадочное письмо.

Мальчики не трогают Эрнеста, не нарушают его одиночества.

А вот девочки, наоборот, все время пытаются привлечь внимание Эрнеста, вторгнуться в его мир, растормошить его. Есть одна вещь, которую Эрнест не может скрыть, — это его красота. Девочки стремятся дотронуться до Эрнеста, коснуться его рукой.

Или хотя бы удостоиться взгляда черных глаз, обращенных постоянно лишь в землю, небо или книгу.

Девочки приносят Эрнесту пирожные, они кладут свои подношения на стол, но Эрнест их не трогает, и сладости остаются там до вечера, а потом приходит уборщица и выбрасывает их. Эрнест не трогает пирожные не потому, что он плохо воспитан. Просто он никогда не пробовал пирожных и боится их. Ни Жермена, ни Бриллианта пирожных не едят. Иногда девочки приносят конфеты или заморские фрук-

ты, но Эрнест четко знает неписанные правила: нельзя ничего есть в неположенное время.

Эрнесту подбрасывают записки, но ему и в голову не приходит их прочесть. Поэтому он не знает, что там написано. А девочки пишут вот что: «Эрнест, я тебя люблю», «Ты очень красивый. Съешь мое пирожное», «Я тебя приглашаю на вечеринку в следующую среду». Любовные письма, полные тщетных надежд.

Во время перемены Эрнест читает книжку, сидя на лавочке во внутреннем двореке. После

уроков он всегда идет домой. Никуда не сворачивая и не глядя по сторонам. Многие девочки идут за ним, надеясь, что он обратит на них внимание. Они знают, где он живет, они поджидают его по утрам, чтобы сказать ему: «Привет!»

Жизнь Эрнеста проходит всегда одинаково. Новый день ничем не отличается от предыдущего. Никаких сюрпризов. Так было до первого понедельника ноября. В этот день в начале урока директриса привела в класс новенькую. «Представляю вам Викторию де Монтардан. Она будет учиться вместе с вами».

Эрнест испытал легкое потрясение. Эта девочка отличалась от других. Она одевалась примерно как Эрнест. Синий жакет, плиссированная юбка, строгая блузка. Длинные черные волосы стянуты широкой черной лентой. Единственное свободное место в классе было рядом с Эрнестом, и учитель посадил Викторию за одну парту с ним. Она села и сразу, не чинясь, сказала Эрнесту: «Привет». Он не мог не ответить ей тем же.

Когда учитель дал соседке учебник, Эрнест показал ей, на какой странице его открыть. Он просто обязан был это сделать. Каждый раз, когда учитель говорил: «Я надеюсь, Эрнест, ты поможешь новенькой войти в курс дела», Эрнест, как робот, выполнял просьбы учителя. Он не смотрел на девочку, но, чтобы убедиться, все ли она уяснила, спрашивал: «Понятно?» «Ага, клево!» — отвечала Виктория.

Во время перемены, вместо того чтобы пойти знакомиться с остальными девчонками, Виктория отправилась вслед за Эрнестом к его любимой скамейке. Эрнест сел читать книгу, а Виктория уселась ря-

дом с ним, вот только книги у нее не было. Тогда она принялась читать книгу Эрнеста, сидя около него, и старалась не отставать и дочитать страницу одновременно с ним.

Когда перемена закончилась, Эрнест вернулся в класс с Викторией на буксире. Потом настало время обеда. Эрнест надел пальто и отправился домой, а Виктория опять пошла с ним вместе. Когда они дошли до дома Эрнеста, Виктория крикнула: «Я живу немного дальше. Я зайду за тобой после обеда. Приятного аппетита!»

И в самом деле, когда он вышел из подъезда, она уже поджидала его. Эрнест двинулся обычной дорогой, как будто не замечая Викторию. Чтобы как-то привлечь его внимание, она взяла его за руку и спросила: «Давно здесь живешь?» Эрнест кивнул. «Ты в школе никогда не обедаешь?» Эрнест покачал головой. «А братья или сестры у тебя есть?» Эрнест отрицательно завертел головой. «А предки у тебя строгие?» В принципе Виктория не особо нуждалась в ответе Эрнеста, она прекрасно могла вести разговор за двоих. «У меня родители строгие,

прикинь — нельзя смотреть телик, пока не сделаешь уроки. А какая у тебя любимая передача? Какое твоё любимое блюдо? Кто твой любимый певец? Чего ты делаешь, когда уроков нет? Я на пианино играю и в бассейн хожу. Вы куда ездите во время каникул? Ты чего-нибудь собираешь? Я — фантики от шоколада. Ты за границей был? Предки разрешают тебе ходить на вечеринки?»

В результате круглый отличник Эрнест почувствовал себя полным невеждой. Он не мог ответить ни на один вопрос. Он не знал ни одного певца, не видел ни одной телевизионной передачи. Любимое блюдо? Эрнест ел то, что давали. А давали ему чаще всего суп, значит, наверное, супу и нужно было присудить первое место. Но особой любви к супу он не испытывал. А что он собирает? Единственное, что Эрнест мог вспомнить, были пятьдесят семь ступенек дома, где он жил, или шаги, которые отделяли дом от школы. Эрнест не раз считал их, точно так же как и минуты, из которых складывается день; они ведь всегда разные: одни текут незаметно, другие тянутся, как резина.

— Я тебе задала столько вопросов. Может, ты меня тоже о чем-нибудь спросишь?

Эрнест растерялся. Никто никогда не задавал ему вопросов, и сам он не научился их задавать. Вдобавок, он не особенно интересовался людьми, которые его окружали. Тем не менее он честно попытался придумать вопрос. Он напряг свой мозг, мобилизовал все его извилины, которые прежде бездействовали. Он старался изо всех сил, потому что хотел сделать приятное Виктории. Но слова не шли с языка.

И тут, как будто услышав его мысли, Виктория сказала: «Да ладно, Эрнест. Ты такой красивый, что можешь ничего не говорить, с тобой все равно будет клево». При этом по-прежнему держала его за руку. Эрнест не поверил своим ушам. Он красивый? Вот так новость!

Вопрос... какой бы задать вопрос... Но ведь вопросы нужно задавать, если тебе действительно интересно получить ответ. Эрнест резко повернул голову, и слегка заикаясь спросил: «В-в-в-виктория! Почему тебя называли Викторией?» Он думал, что это имя было дано в честь какой-нибудь исторической победы.

«Потому, что я родилась после двенадцати мальчиков. Мои родители так хотели девочку, что пытались родить ее тринадцать раз. И я стала их победой!»

Эрнест подумал, что двенадцатого мальчика, наверное, называли Конфузием. Но этого он не сказал, а только переспросил:

— Двенадцать братьев?

— Не, теперь их тринадцать. Моя мама решила попробовать еще разок, уж очень ей хотелось иметь еще одну девочку. Не тут-то было. Опять родился мальчик. Сейчас ему шесть месяцев.

«Да это целая армия», — подумал Эрнест. Весь остаток дня он представлял себе Викторию, окруженную тринадцатью братьями. Он никак не мог сконцентрироваться на заданиях учителя, но так привык к школе, что работа делалась как-то сама собой. Вик-

тория всюду следовала за ним. На перемене она продолжала читать книгу через плечо Эрнеста. Девочки из класса подчеркнуто избегали ее, но «пара» не обращала на это внимания.

После уроков учитель вручил Виктории целую гору книг. К завтрашнему дню их нужно было обернуть. Виктория тут же нагроутила половиной книг Эрнеста и сказала тоном, не терпящим возражений: «Ты меня проводишь».

3. Иеремия

Когда они дошли до дома Эрнеста, мальчику очень хотелось положить книги на тротуар и сказать: «Дальше я идти не могу». Но стопка книг в самом деле была слишком тяжелой, а Эрнест твердо знал, что нельзя бросать ближнего, нуждающегося в твоей помощи. Поэтому он изменил своим привычкам и пошел дальше. Когда мальчик пересек невидимую границу, за которой прежде никогда не бывал, спина его покрылась холодным потом. В принципе, Бабушка не запрещала ему гулять, но все-таки он удивился сам себе. Ему казалось, что если он сделает еще несколько шагов вперед, то его поразит молния. Бабушка никогда его не наказывала: было не за что.

Эрнест удивлялся все больше и больше. Всего в трехстах метрах от дома, где он прожил все десять лет своей жизни, простирался совершенно неизвест-

ный ему район. Здесь ходили дети, бегали собаки, ветер гонял по мостовой бумажки, и все это кружило Эрнесту голову. Он чувствовал себя дерзким первооткрывателем, уличным охотником, искателем приключений, почти героем.

Вместе с Викторией он пересек небольшой сквер и подошел к ее дому, стоявшему на опушке этой зеленой рощи. Эрнест положил книги перед входной дверью и сказал: «Вот!» Это «вот» означало многое: «Я выполнил свой долг соседа, долг одноклассника, долг гражданина, свой долг перед всем человечеством!» Эрнест хорошо знал значение слова «долг».

— Да ты что?!

Виктория быстренько впихнула свои книги Эрнесту, сама схватила стопку, которую раньше нес он, и подтолкнула незадачливого грузчика к лифту. Стопка книг в руках Эрнеста задрожала, выдавая обьяввший его страх.

— Я... лучше пойду пешком.

— Ты чего, с ума сошел? Мы на седьмом этаже живем! На седьмом небе, как любит говорить папа.

И Виктория втокнула Эрнест в лифт, эту страшную железную клетку, которая медленно, рывками поползла вверх. Эрнест задохнулся от ужаса.

— Дети имеют право пользоваться лифтом?

Виктория вздернула левую бровь и закрыла правый глаз в поисках ответа.

— А почему нет?

Чудесным образом выйдя живым из лифта, Эрнест поставил книги около единственной двери на лестничной площадке и вновь сказал «Вот!». Но прежде

чем он успел попятиться к лестнице, дверь открылась и из квартиры вышел молодой человек с ребенком на руках. Ребенок, улыбаясь и брыкаясь, потянул ручонки к Эрнесту. Бедняга застыл как вкопанный.

— Возьми его, он хочет к тебе, — приказала Виктория. — Это Иеремия.

Иеремия уже присосался, как пиявка, к Эрнесту, который испытывал ощущения совершенно необычные и пытался понять, не это ли та самая молния, которая должна была его поразить. Впрочем, пока он соображал, молния эта зажгла на его лице сияющую улыбку. Иеремия обнял Эрнеста своими пухленькими ручонками и почти задушил. Никто и никогда еще не обнимал Эрнеста. Он и в самом деле был на седьмом небе от счастья.

— Не стой здесь! Заходи! — сказал ему молодой человек.

— Я не могу, мне надо идти...

Эрнест выдавил из себя слабое «До свиданья» и начал спускаться по лестнице.

— А ребенка ты берешь с собой? — крикнула ему Виктория.

— Ой, извини. Я совсем забыл, — сказал Эрнест, возвращаясь назад.

— Ну да, одним братцем больше, одним братцем меньше...

— Вот! Я тебе его возвращаю, — произнес Эрнест, пытаясь оторвать от себя ребенка, который вцепился в него с нечеловеческой силой.

— Да заходи, — сказал парень.

— Это мой старший брат Дан, ему двадцать два года. Дан, это Эрнест, мой лучший друг.

Слово «друг» потрясло Эрнеста, и он прошел в прихожую, заваленную гигантскими коробками, а затем в длинный коридор, очень хорошо подходящий для того вида спорта, которым занималась тренировавшаяся там тройца, а именно слалома на роликовых коньках; роль контрольных флажков исполняли другие коробки.

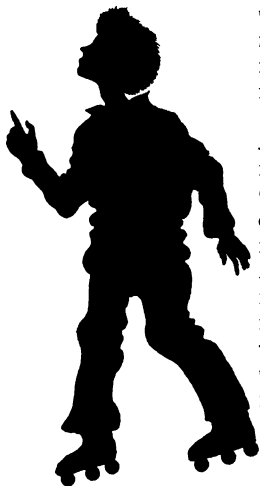
— Эти три заразы — Завулон, Нафтали и Эшер, — сказала Виктория.

Ребята были чуть постарше, чем Эрнест. Имена показались мальчику африканскими, и он повторил: «Завулон, Нафтали и Эшер?»

— Понимаешь, мои родители хотели найти целую серию имен, связанных между собой. Сперва они подумали о французских королях, но нельзя же называть всех детей Людовиками! А родители с самого начала хотели иметь много детей. В итоге они решили дать детям имена двенадцати колен Израилевых, еще не зная, что все двенадцать имен пойдут в ход.

— Это из Библии?

— Да, ты читал?

— У нас есть дома старая Библия, я ее листал, но не все имена запомнил.

Эрнест и Виктория прошли в большую комнату, посреди которой представители еще четырех колен вырывали друг у друга пульт от телевизора. Телевизор, единственный предмет в комнате, вынутый из коробки, издавал такие же оглушительные звуки, как и те, кто желал его смотреть.

— Это Гад, Вениамин, Эфраим и Манасия.

Иеремия по-прежнему цепко держался обеими руками за шею Эрнеста, но тут вдруг мальчик почувствовал, как нечто влажное и горячее течет по его рукам и целым Ниагарским водопадом низвергается на пол.

— Ты подгузник когда менял? В прошлом веке? — набросилась Виктория на Дана.

— Я вообще только что пришел. Сегодня Иуда дежурный, с него и спрашивай.

— Да ладно уж, я сама все сделаю.

И Виктория повела Эрнеста в свою комнату, находившуюся в другом конце огромной квартиры. Она вместе с маленьким Иеремией жила в настоящем плюшевом зоопарке; кроме игрушечных зверей здесь было полным-полно заводных игрушек, музыкальных шкатулок и всяких других безделушек, не говоря уже о пустых коробках. Эрнест вспомнил свою монашескую келью и подумал: а где же Виктория делает уроки? Он аккуратно положил Иеремию туда, куда велела Виктория, и стал внимательно наблюдать за действиями маленькой мамы. Разобравшись с Иеремией, она занялась Эрнестом и привела в порядок его туалет, после чего оставила младенца

в окружении плюшевых зверей, а Эрнеста взяла за руку и повела на кухню. Квартира по размерам вполне соответствовала семье, казалось, что в ней по меньшей мере сотня комнат. Дверь в одну из комнат была приоткрыта, и за ней обнаружился еще один брат. «Это — Рувим, — сказала Виктория, — он так и пашет с утра до вечера. Что поделаешь, он в этом году заканчивает школу и поэтому освобожден от дежурства по Иеремии».

На кухне Иссахар и Симон чистили целую тонну картошки. Эрнест не считал, но ему показалось, что таким количеством картошки можно было бы накормить целый полк. Виктория сказала: «Открой рот!» — и протянула Эрнесту шоколадку. Тут Эрнест взроптал:

— Я пойду, мне на самом деле пора...

— Съешь сперва шоколадку!

— Спасибо, я не хочу.

— Слушай, ты должен мне помочь. Если ты съешь эту шоколадку, то я смогу добавить тысячный фантик к моей коллекции. Ну, попробуй же. Это черный шоколад — 72% какао!

— Нет, я лучше съем полдник дома. Пока! — И Эрнест стал пятиться к выходу. В тот же момент до кухни донесся плач покинутого Иеремии.

— Ребенок кричит, — сказал Эрнест.

— Не волнуйся, он так самовыражается. Мы все прошли через это, — сказала Виктория, подводя его к двери.

Эрнест мучило несколько вопросов, и наконец он решился задать один из них:

— Скажи пожалуйста, а родители у тебя есть?

Виктория вздернула левую бровь и прикрыла правый глаз.

— Конечно, что за глупый вопрос! У всех есть родители. Ну, у тебя же есть?

— Нет, у меня родителей нет, — сказал Эрнест и бросился бежать.

4. Бриллианта

Эрнест бросил взгляд на лифт, способный без проблем доставить его на третий этаж. Однако привычка взяла свое и, несмотря на вдруг накатившую усталость, Эрнест двинулся вверх пешком. Тело его одолевало неизменные 57 ступенек, но голова на сей раз была очень далеко. Он снова и снова вспоминал младенца Иеремию, Викторию, ораву мальчишек и спрашивал себя, как могло случиться, что одна женщина родила целых четырнадцать детей, а другая умерла во время родов одного-единственного несчастного сына. Четырнадцать детей! Это значит, что мать Виктории была беременной в общей сложности десять с половиной лет и по меньшей мере 56 месяцев из них расхаживала с огромным пузом! И это еще не все. Эрнест вспомнил трагикомическую процедуру смены подгузников Иеремии. Как можно одеть, прокормить и вырастить

такое количество народу? И при этом родители еще ухитрялись отлучаться из дома! «Они на работе», — сказала мальчику Виктория. Еще бы, даже для того, чтобы кормить эту банду одной картошкой, нужна уйма денег, подумал Эрнест, входя в квартиру.

Эрнест отнес ранец в свою комнату, бросил взгляд на неизменные яблоко и сухарик, ожидавшие его на столе, но решил сначала сделать крюк и сообщить Бабушке, что он вернулся. Дома все было как обычно, и, возможно, Бабушка даже не заметила его опоздания, но Эрнест считал своим долгом ее предупредить. С другой стороны, он боялся ее разбудить и потому сказал чуть слышно: «Я вернулся, Бабушка. Я немного опоздал». Потом он сделал другой небольшой крюк — поистине то был день крюков — и зашел в гостиную, где в шкатулке лежало Письмо. Эрнест прошептал: «Теперь я знаю четырнадцать, ну, вернее, тринадцать человек, которые могут мне помочь расшифровать письмо». И тут, уже второй раз за день, его лицо озарила улыбка. Эрнест с аппетитом съел яблоко, быстро и тщательно сделал уроки, но потом, когда, как обычно, пришло время отдохнуть, Эрнест никак не мог сосредоточиться. Он смотрел в книгу, но тот непостижимый механизм, который превращает буквы текста в эмоции сердца, внезапно перестал действовать. Слова из крылатых сделались свинцовыми и утратили способность проникать в мозг. Фразы приросли к странице. Он в сотый раз читал одну и ту же фразу, но голова была переполнена дневными происшествиями. То тут, то там слово в книжке напоминало ему что-то из впечатлений прожитого дня; впервые в жизни слова «друг» и «брат» обрели для него реаль-

ное наполнение. Вдруг взгляд Эрнеста упал на слово «принуждение». Да-да, именно принуждение, Виктория все сделала против его воли. Не интересуясь его мнением, она потащила его к себе. Как начальница, как командир. «Ты идешь или ты покойник!» И тут Эрнест, который уже не мог остановиться, улыбнулся в третий раз: «Да здравствуют такие начальники!»

Часы пробили восемь, а Бабушка все еще не появилась в гостиной. Эрнеста охватила паника. Неужели молния все-таки обрушится на его голову? А вдруг Бабушка умерла? Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осмелиться постучать, и еще минута, чтобы дерзнуть войти. Бабушка с видом сомнамбулы сидела на кровати, поставив ноги на пол; в руке она держала письмо. Увидев Эрнеста, она очнулась и первым делом попыталась спрятать конверт в стопке других писем.

— Дорогая Бабушка, уже восемь часов.

Бабушка кивнула, с трудом поднялась и, едва передвигая ноги, отправилась в гостиную. Она включила радио, которое немедленно выдало дневную порцию землетрясений, лесных пожаров, недородов и гражданских войн. Затем она выключила радио, а Эрнест тем временем подогрел суп. Первый раз в жизни ему захотелось рассказать Бабушке, как он провел день. Она никогда его об этом не спрашивала. Дни приходят и уходят, протекая так, как они должны про-

текать. А люди делают то, что должны делать. Больше ничего и не требуется. Но сегодня Эрнесту вдруг нестерпимо захотелось большего. А за большее подчас приходится бороться.

— Дорогая Бабушка, — сказал он, еще не зная, как именно преподнести свою новость. Бриллианта почувствовала, что внук чем-то взволнован. Даже суп не мог его успокоить. «А ведь он вырос. И какой красавец, все больше походит на отца». Она вздохнула, и этот вздох едва не помешал Эрнесту исполнить намеченное. Мальчику хотелось задать Бабушке столько вопросов, рассказать ей о стольких вещах, что он не знал, с чего начать. Он выбрал известие самое безобидное, хотя и самое поразительное. Кстати, вот еще вопрос: рассказывать ли Бабушке про все свои подвиги или лучше ее побережь? Ему хотелось рассказать обо всем.

— Дорогая Бабушка, сегодня я после школы не пошел сразу домой. Мне нужно было помочь однокласснице. Я довел ее до дома; она живет за сквером. Вы знаете, где это?

Бабушка утвердительно кивнула головой.

— Там очень красиво. Дорогая Бабушка, а пока я в школе, вы выходите на улицу?

Она опустила глаза и тихо сказала «нет». Вообще-то Эрнест знал, что она никуда не ходит, и теперь, задав вопрос, устыдился самой мысли, что она может куда-то ходить. Он не был уверен, что выходить на улицу полезно для здоровья. Да он, собственно, и не знал, как обстоят у его старой Бабушки дела со здоровьем. Обычно она, если плохо себя чувствовала, проводила день в постели.

А если Эрнест чихал, если у него болели горло или уши, Бабушка давала ему аспирин. Она никогда не вызывала доктора. Болезни приходят и уходят... так же как и дни.

Эрнест решил во что бы то ни стало вытащить Бабушку на улицу. «Я никогда ничем ей не помогаю, — подумал он. — И ничего про нее не знаю».

В памяти у него всплыла картинка: Бабушка неподвижно сидит на постели, и он спросил:

— Бабушка, а что вы делаете целыми днями?

Бриллианта с изумлением посмотрела на внука. Что-то разладилось в привычном течении их жизни. Они не привыкли говорить друг с другом, и слова, казалось, застряли у Бабушки в горле, сбились в ком, склеились. Слова — вестники души, но если они не текут безостановочно, то замерзают. «Что я делаю целыми днями? Доживаю. Как могу». Но Эрнесту она сказала:

— Ничего. Я отдыхаю.

— Но, дорогая Бабушка, ведь отдыхают обычно после какой-то работы.

«А кто ничего не делает, тот слабый, больной или сумасшедший», — подумал мальчик. По крайней мере так говорил учитель в школе.

— Я отдыхаю от жизни. И думаю.

— О чем же вы думаете, дорогая Бабушка?

— О своих мертвецах.

Эрнесту этот ответ не понравился, потому что кто всю жизнь думает о мертвецах, тот и сам становится почти мертвецом.

— Но, Бабушка, мертвые уже умерли. Их не вернуть.

— Это не значит, что нужно о них забыть.

— Но ведь можно помнить о них, а заниматься чем-нибудь другим?

Казалось, такой подход ошеломил Бабушку. Эрнест прекрасно знал, что именно благодаря Бабушке у него есть крыша над головой, еда, одежда и книги. Но все же он не удержался и спросил:

— Дорогая Бабушка, а обо мне вы когда-нибудь думаете?

— Думают обычно о тех, кого с нами нет. А ты здесь всегда, утром уходишь, вечером приходишь, делаешь уроки, не доставляешь мне огорчений.

«Да ведь и радостей тоже не доставляю», — с грустью подумал Эрнест.

Но оставался еще вопрос, который его мучил. Бабушка тем временем, казалось, очнулась ото сна, она была настороже, пожалуй, даже немного испугана и ждала новых каверзных вопросов. Эрнест вглядывался в паутину морщин, которую сплело на ее лице время, и пытался отыскать в этих переплетениях ответ на свой вопрос.

— Эрнест, я возьму еще супу, — сказала Бабушка, чтобы оттянуть время. Пораженный таким небывалым аппетитом, Эрнест встал, потом снова сел, поставил локти на стол, подпер лицо руками и спросил:

— Дорогая Бабушка, а мой отец умер?

5. Жермена

«Н

ет, твой отец не умер». Эта фраза Бабушки не давала ему уснуть. Эрнест не решился задать тысячу других вопросов, которые крутились у него в голове: «Тогда где же он? Почему он не приходит ко мне? Почему он не пишет?» Эти вопросы мучили его, когда он чистил зубы, когда причесывался, когда смотрелся в зеркало.

Утром, когда мальчик проснулся, Жермена уже была на кухне; она мыла тарелки, оставшиеся от ужина. Чашки стояли на столе. Бабушка сидела на своем обычном месте. Эрнест пожелал дамам доброго утра, но тут дверной звонок, который никогда до этого не звонил, вдруг разразился громкой трелью, которая внесла жуткий переполох в это сонное царство. Дамы встревожились.

— Я открою, — героически произнесла Жермена.

Не успела она открыть дверь, как в квартиру во-
рвалась Виктория и направилась напрямик на кухню.

— Привет! Меня зовут Виктория де Монтар-
дан, я подруга Эрнеста.

Жермена плелась за девочкой, не имея возмож-
ности остановить этот стремительный бульдозер.

Виктория шваркнула на стол пакет с круасса-
нами, булочками и печеньем.

— Папа сегодня с утра обчистил булочную, да-
же нам столько не съесть. Я захватила кое-чего с со-
бой и решила поесть у вас, прежде чем мы с Эрнестом
пойдем в школу.

Совершенно не понимая, какой фурор произ-
вела, Виктория продолжила:

— Как поживаете? Что снилось? Мне, напри-
мер, снился ты, Эрнест. Мне снилось, что мы выросли,
что мы любим друг друга и собираемся пожениться.
А что было дальше, я не знаю. Иеремия заплакал, и я про-
снулась. Я думаю, Иеремия тоже видел тебя во сне.

Виктория не нуждалась в одобрении собесед-
ников и замолчала на секунду только для того, чтобы
перевести дух и достать из пакета одну булочку, ко-
торую она, впрочем, тут же убрала назад.

— Ну же, угощайтесь, — скомандовала Викто-
рия. — Первыми накладывают себе еду только не
очень хорошо воспитанные люди. Мама говорит, что
если ей удастся воспитать нас без особых происшеств-
вий, она будет совершенно счастлива. А воспитать
хорошо — это уж слишком.

Жермена и Бриллианта сидели на своих мес-
тах, как два соляных столба. Эрнест, который тоже
старался выглядеть хорошо воспитанным, осторожно

взял булочку из пакета, тщательно оглядел ее со всех сторон, как если бы ее подкинули на землю инопланетяне, а затем, стараясь не смотреть на двух блюстительниц здорового питания, храбро впился зубами в золотистое хрустящее чудо, готовый немедленно заплатить жизнью за этот дерзкий поступок.

— Она теплая! И такая вкусная! — воскликнул мальчик, используя слово, смысл которого до сих пор понимал лишь в теории. — Попробуйте, дорогая Бабушка, это очень вкусно.

— Я знаю, — сухо отвечала она.

— Попробуйте тогда вы, Жермена.

Жермена не хотела поддаваться, но все-таки не устояла перед булочкой с шоколадом. Для очистки совести она пододвинула другую булочку поближе к хозяйке и сказала:

— Съешьте уж... в виде исключения.

— А какао у вас есть? — спросила Виктория.

— У нас есть только цикорий, — надменно ответила Жермена.

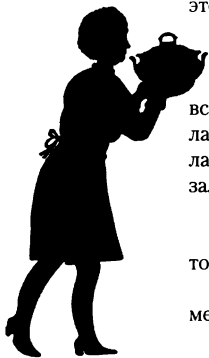
— Ладно, тогда я выпью стаканчик холодного молока.

— Но это плохо для пищеварения, — воскликнула Жермена.

— Зато от этого быстрее растут!

— Вы хотите скорее вырасти?

— Конечно, чтобы скорее выйти замуж за Эрнеста!

При этих словах Эрнест почувствовал разом и восторг, прежде ему неизвестный, и бесконечное смущение. Бабушка и Жермена по-прежнему молчали, но было видно, что они очнулись от спячки и что любопытство зажгло искру жизни в их полумертвых сердцах. В темное царство проник луч света.

Эрнест посмотрел на часы и пришел в ужас.

— Пора идти, иначе мы опоздаем.

Он всегда выходил из дому заранее и никогда не торопился.

— Ладно, потащились на нашу каторгу, — ответила ему Виктория. — Да, кстати, не ждите Эрнеста в полдень. Он приглашен к нам. Мама сегодня осталась дома, чтобы посмотреть на мужчину моей мечты. Будем есть фондю по-бургундски. Обожаю это блюдо. Меню выбирала я. А после школы я приду делать уроки к вам, сегодня за малышом приглядывают другие. Вот будет клево! О-кей? Тогда вперед!

Виктория подскочила к дамам и чмокнула каждую из них в морщинистую щеку. Сначала в левую, а потом в правую. Эрнест по ее примеру сделал то же самое... впервые в жизни!

В школу Эрнест шел не так неспешно, как обычно, но и не бежал. Он просто летел на крыльях — летел следом за Викторией.

Эрнест не замечал ненависти, с которой смотрели на Викторию девочки из класса. Зато Виктория это замечала и понимала, что до виктории ей далеко. Она прочла брошенные на парту анонимки: «Мы знали его раньше тебя! Чтоб тебе пусто было!», «Оставь его, мерзкая Монтарданка, не то пожалеешь!», «Ведьма! Гадина! Эрнест

наш!» На каждую анонимку Виктория терпеливо давала один и тот же отчет: «Я люблю Эрнеста и с этим ничего не поделаешь. Так уж вышло. К тому же я его понимаю и хочу, чтобы он был счастлив. Мы поженимся через 13 лет, 8 месяцев и 3 дня. Приглашаю вас на свадьбу».

Эрнест тем временем продолжал учиться так же хорошо, как и раньше, только теперь он старался от всего сердца, ведь он узнал, что оно у него есть. Сердце, которое раньше дремало, теперь проснулось; сердце, которое раньше молчало, теперь начало смеяться; сердце, которое раньше было немым, теперь заговорило и принялось задавать вопросы. Это сердце теперь было связано с победоносной соседкой, властной, страстной и очень, очень веселой, и связь эта была видна всем и каждому. Эрнест не стал протестовать, когда они прошли мимо его дома.

— Ты любишь фондю по-бургундски?

— Не знаю... Я не пробовал...

— А мясо с перцем чили? — Виктории пришлось самой ответить на свой последний вопрос, и, насмехаясь над мальчиком, она продолжила: — Да знаю, знаю, ничего ты не пробовал. Все нормально, я займусь твоим кулинарным воспитанием, но для начала было бы очень неплохо, если бы ты полюбил шоколад. Мне нужно собрать к 2000 году две тысячи фантиков от шоколадок.

Эрнест мысленно усмехнулся. «Какая благородная мечта, какая забота о благе человечества», — подумал Эрнест, но вслух ничего не сказал. Любить человека — не значит во всем с ним соглашаться.

Иеремия встретил Эрнеста с восторгом, мама Виктории тоже.

— Эрнест, это моя мама,— сказала девочка. Она еще хотела добавить: «Твоя будущая теща», но все-таки на этот раз решила не смущать его.

Эрнест (и где только он выучился такой почтительности?) церемонно произнес:

— Добрый день, госпожа де Монтардан, спасибо, что пригласили меня на обед.

— Ты можешь называть меня Катрин. Я выгляжу ужасно, не взыщи; я уже несколько недель распакываю вещи и жутко замоталась. Впрочем, я всегда в таком состоянии.

Эрнест внимательно смотрел на женщину, которая была беременной в общей сложности десять с половиной лет, которая перенесла 14 родов и, возможно, является по этой части чемпионкой мира, но при этом выглядит совершенно обычно. А его мать не перенесла рождения одного-единственного ребенка. Катрин была не слишком старой и не слишком молодой, Виктория сказала, что ей сорок пять. По словам дочери, она работала в каком-то министерстве «или что-то в этом роде». И папа тоже. Родители познакомились на последнем курсе Института политических наук. Эрнест подумал: интересно, а как познакомились его родители, какой была любовь, закончившаяся его появлением на свет. Чем больше народу он видел перед собой, тем больше вопросов возникало в его уме. Виктория была очень похожа на свою маму, у той были такие же черные волосы, стянутые красной лентой, такие же сияющие глаза, такое же скуластое выразительное лицо.

Кроме малыша Иеремии, дома никого не было. В столовую вошла дама и поставила на стол огромную кастрюльку, из которой валил пар.

— Спасибо, Жанетта!

— Как тебе фондю? — спросила Виктория, своей восторженной интонацией подсказывая ответ. Эрнест тем временем представил себе, что бы сказала Жермена, увидь она кипящее масло (масло, враг номер один), шесть соусов, куда нужно макать кусочки мяса (соус, враг номер два) и гору мяса с кровью (мясо с кровью, враг номер три). Эрнест дипломатично ответил:

— О, это так увлекательно — есть фондю. А как вы обходитесь, когда все дома?

— Слава богу, у нас редко обедают все одновременно, — сказала Катрин. — Но вообще это очень просто: добавляем еще несколько кастрюлек.

— Как вкусно, как интересно, — говорил Эрнест, а кусочков мяса на столе тем временем становилось все меньше и меньше, — большое спасибо!

Виктория размяла банан для Иереми и протянула блюдо Эрнесту:

— Почетная обязанность накормить его бананом предоставляется тебе. Но сперва попробуй мои трюфели.

Эрнест съел трюфель и продолжил свои подсчеты: «Сладкое, враг номер четыре». Перед уходом Катрин пригласила мальчика приходить к ним обедать, когда ему захочется.

— Но у вас, по-моему, и так полно народу?

— Не волнуйся, там, где готовят на шестнадцать, прокормят и семнадцатого!

— Большое спасибо, но Бабушка сидит дома совсем одна.

— Так бери ее с собой, в нашем сумасшедшем доме всем хватит места...

Эрнест улыбнулся — теперь это случалось с ним все чаще и чаще. Виктория предупредила маму о том, что сегодня вечером вернется попозже. Иеремия завопил во все горло.

Дома после уроков Эрнеста ждал сюрприз: на столе он обнаружил два яблока вместо одного. Он угостил Викторию.

— Как здорово! — сказала девочка, вгрызаясь зубами в яблоко. — Надо будет попробовать есть их с шоколадом.

— Здесь мы будем заниматься.

— Отлично, но ты мне должен все-все объяснить, а то я пока не врубаюсь.

Эрнест спокойно объяснил ей, как решать задачи по математике, как делать упражнения по грамматике. Было очень приятно объяснять Виктории то, что сам он уже понял.

— Я сильно отстаю, — сказала Виктория.

— Ничего, догонишь, ты все быстро схватываешь.

— У моих братьев нет времени мне помогать с уроками. Они говорят мне, что я тупица. Ладно, забудем об этом. С занятиями покончено, давай теперь телик смотреть!

— Но у нас нет телевизора.

Эрнест посмотрел на шкаф, где хранилось письмо. Он очень хотел показать его Виктории, но тут в комнату вошла Бабушка.

6. Альфонс

Утром в воскресенье Бабушка опять не появилась на кухне в традиционном месте их молчаливых встреч. «Уже второй раз за такое короткое время», — отметил для себя Эрнест. Не то чтобы общаться с Бабушкой было очень весело, но Эрнест не представлял своей жизни без нее. Он привык каждое утро и каждый вечер видеть ее на кухне. Когда он показывал ей свой дневник, Бабушка клала ему руку на голову и гладила — примерно так, как гладят собаку. Отметки — единственное, что он мог принести Бабушке из своего школьного мира. Но теперь у него была Виктория и булочки с шоколадом. Эрнест вдруг испугался, что Бабушка лежит на кровати бездыханная.

Он постучался в дверь ее комнаты. Какое облегчение было услышать ее голос! Она еле слышно произнесла «да», и Эрнест вошел. Бабушка лежала

на кровати с обычной стопкой писем на груди. Увидев мальчика, она попыталась быстро спрятать письма под подушку, но у нее ничего не получалось делать быстро.

Эрнест подошел к Бабушкиной кровати. Он робел, как рядовой перед лейтенантом, но страх, который он только что испытал, придал ему сил, и он произнес:

— Дорогая Бабушка, мы знакомы уже десять лет, всю мою жизнь, а я до сих пор ничего не знаю ни о вас, ни о нашей семье, ни об отце, ни о матери... даже про эти вот портреты, которые развешаны по стенам, я тоже ничего не знаю. Кто, скажем, вот этот человек?

И он показал пальцем на большую фотографию серьезного и важного господина лет тридцати-сорока, очень красивого и немного высокомерного, как всякий, кто смотрит в объектив и готовится быть запечатленным на века.

К удивлению Эрнеста, Бабушка ответила на вопрос так охотно, как будто вопрос этот был ключом, отомкнувшим ее молчаливые уста.

— Это Альфонс, твой дедушка и мой муж. Мы жили вместе всего восемь лет, а потом, в 1940 году, он погиб на войне. Твой отец родился уже после его смерти, он так никогда и не видел своего папу.

— Как и я?

— Как и ты.

Вместо того чтобы подумать о себе, мальчик сказал:

— У вас была очень тяжелая жизнь, дорогая Бабушка.

— Чем сильнее горе, тем труднее его высказать.

— Но вы мне можете что-нибудь сказать про Альфонса? — Расспрашивая про Альфонса, он хотел потихоньку подобраться к Гаспару, своему отцу.

— Я могу рассказать о нем только самое хорошее, он не успел меня разочаровать, — Бабушка стала подыскивать слова. — Он был высокий, великолепный, изысканный... умный, блестящий, величественный, очень, очень красивый... Как ты. — Она помолчала секунду, а потом добавила еле слышным голосом: — И как твой отец.

— Красота — это внешнее, это не главное. Расскажите, какой он был на самом деле.

— Он был настоящий борец за правду, он хотел понять природу всех вещей на свете. Он никогда не говорил неправду. Он очень много думал о мире вокруг нас.

— Это его письма вы читали только что?

— Я их знаю наизусть, Эрнест. Это любовные письма, которые Альфонс писал мне, когда мы жили здесь, под одной крышей. Он был слишком целомудрен, чтобы произносить такие вещи вслух, и потому о любви он мне писал.

— Он умер пятьдесят лет назад. И вы до сих пор его вспоминаете?

— Да, конечно, каждый день и каждую минуту... а прикоснуться к нему не могу. И он ко мне не может.

— А мой отец? — спросил Эрнест, чувствуя, что он переходит все границы дозволенного, что задавать вопрос можно только про мертвых, а про живых — ни в коем случае. Бабушка сделала вид, что не слышит последнего вопроса.

— Хотите, я принесу вам завтрак сюда?

— Нет, не надо, я уже встаю. Подогрей пока молоко.

Никогда еще Бабушка не произносила так много слов, порой казалось, что она следует правилу: «Рот — это дверь, которую надо держать на замке». Но своими расспросами Эрнест нашел ключик к этой двери, и тут выяснилось, что Бабушка сама не прочь слегка ее приоткрыть. Бабушка даже выглядеть стала не такой старой и дряхлой.

В кухонное окно Эрнест увидел кусочек голубого неба и вдруг ощутил безумную отвагу.

— Дорогая Бабушка, у нас мало денег?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мы живем так скромно.

— У нас есть на что жить, но жить нужно уметь...

— Но, дорогая Бабушка, на улице такая хорошая погода. Давайте оденемся и пойдем гулять. Можно сходить в чудесный парк, а потом зайти в ресторанчик на углу.

Ошарашенная таким неожиданным предложением, Бабушка тяжело вздохнула:

— Нет, я не могу. Я слишком стара для прогулок, я быстро устану. А тебе надо делать уроки.

— Но я их сделал вчера.

Надежда почти угасла, но он все-таки решил еще раз попытать счастья:

— Пойдемте, дорогая Бабушка, глупо сидеть взаперти в темной квартире. Appetit приходит во время еды, а силы появляются, когда их тратишь, — повторил мальчик слова Виктории.

— Жермена приготовила нам обед, что же, выходит, она зря трудилась... И потом, мне все это не по силам.

— Но, дорогая Бабушка, пока мы не умерли, мы должны жить.

Бриллианта больше не промолвила ни слова. Она молча закончила завтрак и так же молча вышла из кухни. Эрнест оделся и, как обычно, устроился на стареньком диване с книгой, но сегодня все шло совсем не так, как обычно. От досады он никак не мог сосредоточиться, ему было слишком обидно и грустно.

И тут в комнату вошла Бабушка в черном пальто и черной шляпе; в руках у нее была сумочка, больше подходящая старой колдунье.

— Ты меня никогда ни о чем не просил. Я могу сделать это для тебя... один-единственный раз.

Эрнест вне себя от радости захлопнул книгу. Он быстро надел куртку и взял бабушку под руку. Странную они составляли пару, казалось, будто оба сошли со страниц той старинной книги, которую Эрнест только что закрыл.

Радостное воскресенье сменилось мрачным понедельником. Можно было подумать, что учителя

мучит ужасное похмелье. Он ворчал и злился на всех, даже на Эрнеста. Вместо того чтобы начать неделю как обычно, он учинил такую пакость, какую учиняют только самые ленивые учителя в те дни, когда совсем не хотят работать. Он даже не потрудился что-нибудь сказать ученикам, он просто раздал листочки, написал на доске «Воскресенье» и жестом показал: пишите. Что ж, учителям тоже бывает несладко.

Эрнест был на седьмом небе от счастья, потому что в кое-то веки ему было о чем рассказать в подобном сочинении и не требовалось высасывать жизнь из пальца. Он улыбнулся Виктории, настроился на подходящий лад, занес ручку над бумагой и принялся писать с такой скоростью, как будто он участвует в гонках Формулы-1. Гонку эту он выиграл, потому что когда он поставил финальную точку, другие еще корпели над своими сочинениями. Учитель сидел за своим столом, подперев голову руками. Казалось, он был уверен, что, если ее отпустить, она немедленно упадет на пол. Виктория писала не отвлекаясь. Ей-то хорошо. Перечислишь всех братьев — вот уже и страничка заполнена. Когда учитель принялся собирать сочинения, вид у него сделался чуть-чуть пободрее. По обыкновению, он положил работу Эрнеста сверху, чтобы прочесть ее первой — для вдохновения. Он прочел ее вслух:

Воскресенье имени кукуса

Я никогда в жизни не был в ресторане. Я никогда никуда не ходил в воскресенье. Я никогда не пробо-

вал кускус. Сколько я себя помню, моя Бабушка никогда не выходила на улицу.

День, когда ты делаешь что-то в первый раз, — великий день. А день, когда делаешь в первый раз сразу три вещи, — трижды великий день.

Вчера мы с Бабушкой отправились в соседний ресторан поестъ кускус.

Кускус — это традиционное блюдо жителей Северной Африки, приготовленное из пшеничной крупы. Хозяин заведения торжественно поставил на стол поднос с четырьмя тарелками.

во-первых, сам кускус,
во-вторых, бульон и овощи,
в-третьих, мясо,
в-четвертых, острый соус.

Есть все это нужно так: в глубокую тарелку накладываешь холмик кускуса, на этом холмике разводишь парк из моркови, репы и лука, а между ними бросаешь камешки зеленого горошка. Туда же кладешь мясо и все это поливаешь бульоном. А если хватит смелости, то можно добавить острую приправу, она красная от перца и жгучая, как те жаркие страны, где всегда светит солнце.

Бабушка сперва боялась, но затем вошла во вкус. Каждый глоток был для нас открытием. Вдыхать запахи дальних стран и ощущать их тепло посреди зимы — это такая радость. А радость придает людям силу и смелость, и моя Бабушка, всегда очень молчаливая, вдруг разговорилась. Она рассказывала о войнах и смертях, о страданиях и утратах, это грустно, но если не вспоминать о мертвых, они с каждым днем будут становиться еще более мертвыми.

А каждый раз, когда кто-то о них вспоминает, они оживают хотя бы на то мгновение, пока слеза катится из глаз.

Но мы-то живы, хотя и не очень умеем жить. Наверное, это глупо, но, попробовав кускус, я подумал, что, пожалуй, учиться жить никогда не поздно, нужно только иметь хорошего учителя и много сил. Я очень хочу иметь много сил и хочу не только учиться читать и писать, но еще и учиться жить, потому что потом придет смерть и будет уже поздно.

Когда пришло время платить за обед, Бабушке это не понравилось. Ей показалось, что все стоит очень дорого, можно было подумать, что деньги она отрывает от сердца. Она надела очки и пять раз перечитала счет, а потом велела мне провернуть.

На обратном пути мы прошли через сквер. Мне показалось, что когда-то, в другой жизни, она здесь бывала. Наверняка бывала, ведь она прожила всю жизнь в этом районе. Она направилась прямоком к одной из скамеек, будто бы это была ее личная скамейка. Мы сидели там молча, как у нас заведено. Но воспоминание о прекрасной совместной трапезе, украсившей нашу бесцветную жизнь, вселяло надежду на то, что когда-нибудь мы заговорим друг с другом. Слова витали в воздухе вокруг нас. На обратном пути мы прошли мимо китайского ресторана на другой стороне нашей улицы, и я сказал бабушке: «В следующее воскресенье пойдем сюда», а она мне ответила: «Всему свое время».

Класс молчал. Эрнесту было очень стыдно за то, что он так подставился. Руки его лежали на коленях, и тут Виктория взяла одну из них и прижала к своей щеке.

Эрнест вспомнил, что вчера вечером они с Бабушкой впервые в жизни не доставали письмо из тайника.

7. Дан

Воскресенье обещало быть таким же радостным, как и предыдущее, но ни одна из надежд не сбылась. Все было серым, будто художник специально подобрал самые мрачные краски для унылой картины. Солнце, светившее все прошлое воскресенье, спряталось за тучами, точь-в-точь как письмо в шкатулке. Бабушка была так же мрачна, как тучи, а Эрнест сгорал от желания осуществить свои планы и мечты.

Тем не менее этот день все-таки прошел в полном соответствии со сценарием, сочиненным задолго до рождения Эрнеста.

Они молча съели завтрак, который и не требовал никаких комментариев. Ничто не могло поколебать стены дома, где проходила жизнь, которую и жизнью-то можно было назвать с большой натяжкой. Слова тонули в этом море черных мыслей.

Письмо вынимали из шкафа, проветривали, но смысл его по-прежнему оставался загадкой. И что, собственно, могло оно поведать? Эрнест потерял к нему интерес. Что оно могло изменить? Письмо было всего одной из бесчисленных тайн этого дома. Эрнест даже перестал интересоваться тем, куда исчез его отец.

К счастью, за воскресеньем всегда приходит понедельник, верный, надежный друг; понедельник — это означает, что пора в школу, что можно снова начать жить. В школе Эрнест держался особняком, ни с кем не дружил, не играл с мальчишками. Он был всего лишь объектом тайного поклонения девочек. Его никогда ни о чем не расспрашивали, и даже самые отпетые хулиганы сторонились его, потому что побаивались. Но теперь, с появлением Виктории, он перестал быть неприкасаемым, и с ним даже начали разговаривать.

И вот, в этот зимний понедельник после уроков, Эрнест увидел около школы Дана и Симона, которые ждали Викторину в семейном микроавтобусе.

— Мы собираемся за покупками, и нам нужна твоя помощь, Эрнест. Мы едем в Берси.

— Я не против, но мне надо предупредить Бабушку.

— Мы будем проезжать мимо твоего дома, ты поднимешься и скажешь ей, что едешь с нами.

Эрнест никогда раньше не ездил на машине, и сама поездка стала для него потрясением. В магазинах он тоже никогда не бывал; он не переступал порога даже маленького магазинчика, а уж гипермаркет вообще показался ему другой планетой. Дан дал ему монету, чтобы Эрнест смог взять тележку. Мальчик

внимательно смотрел за всем, что делают Дан, Симон и Виктория. Девочка объяснила ему:

— Нам нужно четыре тележки, наша семья — как четыре обыкновенные, понятно, да?

— Вот тебе список того, чего надо купить, — сказал Дан. — Встречаемся у кассы, через 25 минут.

У Эрнеста сразу закружилась голова, но ему хотелось бы провести здесь целый день, изучая продукты, коробки, пакеты, сумки, цифры на ценниках. Однажды он ходил с классом в музей, но музей, в который он попал теперь, был в сто раз интереснее. У Эрнеста разбегались глаза... но нельзя было терять времени. Три коробки по шесть пакетов молока средней жирности, шесть дюжин яиц, две упаковки подгузников. Эрнест взялся за дело со своей обычной аккуратностью. В гипермаркете он остался таким же круглым отличником, каким всегда был в школе, и постарался дойти до конца списка раньше назначенного срока. И лишь потом направил свою тележку к полкам с книгами; здесь он был в своей стихии. Придерживая рукой тележку, он рассматривал цветные обложки и читал названия. Он пожирал книги глазами и очнулся, только когда кто-то толкнул его тележку. Хорошо еще, что это был не кто иной, как Дан. Тележка у него ломилась от покупок. Дан поднял упавшие пакеты крупы, банки кукурузы, упаковки подгузников и бросил на ходу:

— Встречаемся как договорились.

Эрнест двинул свою тележку к центральному столу, на котором громоздились книги-новинки. И тут его внимание привлекло не название книги, а фамилия автора. Его взгляд, казалось, стремился проникнуть сквозь обложку. Не в силах пошевелиться, он стоял

как вкопанный и не решался взять эту книгу в руки. Как странно, что он набрел на нее в тот день, когда не задавал ни людям, ни жизни никаких вопросов, когда он был готов просто вставать и ложиться, уходить в школу и возвращаться домой, есть, пить, ходить, писать, читать, ложиться спать — и ни о чем не задумываться.

Он взял книгу и долго вертел ее в руках, не в силах понять, что именно там написано, листал книгу с начала до конца, а потом с конца до начала. Он подносил ее к глазам, прижимал к груди, не понимая, что это всего лишь листы бумаги, забыв, что ему не на что ее купить. Впрочем, покупать ее было даже не обязательно. Она все равно была его, принадлежала ему.

Он присел на пол, чтобы всласть налюбоваться книгой, но тут к нему подбежала Виктория. Запыхавшаяся и сердитая, она крикнула:

— Мы ждем тебя уже десять минут! Ты что, хочешь чтобы семейство Монтардан сегодня вечером умерло с голоду?

Эрнест поднял голову и посмотрел на Викторию невидящими глазами. Он не понимал, ни где он находится, ни чего от него хотят. Его

тележка уехала, ее затолкали покупатели. Виктория с криком «Держи!» протянула мальчику руки, как ребенка, который сам не может встать. Тут Эрнест наконец очнулся и показал Виктории книгу. Девочка, которую в книгах больше всего интересовали названия, прочла вслух: «Первая мировая война — уроки отцов». На фамилию автора она даже не обратила внимания.

— Кончай, Эрнест! Где ты, а где войны! В жизни есть вещи и поинтереснее. Пошли, мои братья начинают терять терпение.

Эрнест, вцепившись в книгу, отправился на поиски тележки, которую вскоре нашел около писчебумажного отдела, после чего они вместе с Викторией рванули к кассам так стремительно, как будто нацепили роликовые коньки.

Симон выкладывал покупки на прилавок перед кассиршей, а Дан закидывал их обратно в тележку. Виктория добавила к груде на прилавке добычу Эрнеста. Покупатели, ждавшие своей очереди, недовольно заворчали, но девочка, оправдывая Эрнеста, объяснила:

— Он первый раз в магазине. В школе круглый отличник, но в шопинге полный ноль.

Дан заплатил астрономическую сумму за содержимое четырех тележек.

— У вас ресторан? — спросила кассирша.

— Нет. Если вам в самом деле интересно, у меня не ресторан, а двенадцать младших братьев и одна сестренка, причем, вы не поверите, мы все имеем странную привычку принимать пищу три раза в день как минимум.

— Вы шутите? — удивилась хорошенькая кассирша.

— Ну что вы, совсем нет. Когда я появился на свет, папа и мама увидели, какой я умный и красивый, и решили сделать еще тринадцать таких же. Увы, с остальными вышла осечка, — сказал Дан, показывая на Симона и Викторию.

Кассиршу, рыжую, хорошенькую и очень сильно накрашенную, этот красноречивый монолог привел в полный восторг. Дана трудно было назвать красавцем: он был невелик ростом, полноват, преждевременно начал лысеть и казался старше свои двадцати двух лет. Но это никак не мешало ему пользоваться большим успехом у женщин, которым нравились его юмор, его теплота, его шарм. А он любил только свою однокурсницу Милену, которая, как и он, писала диплом по истории.

Когда последний пакет оказался в тележке, Эрнест двинулся следом за кортежем, но тут кассирша крикнула:

— Эй, ты что ли собрался украсть эту книжку?

Эрнест посмотрел на Викторию: она-то знала, что у него совсем нет денег. Дан повертел в руках книгу, увидел фамилию автора и спросил:

— Гаспар Морлес... Это, наверное, твой родственник?

— Я думаю, что это... мой отец.

— Он, между прочим, человек довольно-таки знаменитый. У меня он в библиографии есть. Я, пожалуй, куплю эту книгу и дам ее тебе почитать.

Должен ли человек покупать книгу собственного отца? Да и отец ли это? Может быть, на свете существует несколько Гаспаров Морлесов? И может ли быть так, чтобы Эрнест, у которого еще недавно не было никакого отца, вдруг обзавелся не просто отцом, но отцом очень знаменитым? Эрнест был так потрясен свалившимся на него открытием, что молчал всю дорогу: и когда помогал перекладывать покупки из тележек в багажник микроавтобуса, и когда нес их от микроавтобуса до квартиры Монтарданов.

— Ужинать останешься?— спросил Дан, который в понедельник дежурил на кухне.

— Нет, спасибо, меня Бабушка ждет, — сказал Эрнест, но он не мог уйти, не задав один вопрос.

— Скажи, пожалуйста, Дан, как можно найти адрес автора книги?

— Ты должен написать издателю, видишь, вот внизу обложки его адрес. Кстати, хочешь прочесть книгу первым? Держи!

— Спасибо большое! — сказал Эрнест, пытаясь скрыть торопливость, с которой он спрятал книгу в ранец — подальше от бабушки, с глаз долой. С глаз долой — из сердца вон?

8. СИМОН

Эрнест лег в кровать с книгой, но от волнения не смог ее читать. Он долго пытался заснуть и долго не мог проснуться. Жермене даже пришлось его разбудить. Он быстро спрятал книгу в ранец и, опаздывая и торопясь, вступил в новый день.

Спустившись по лестнице, он увидел Викторю, но девочка была не одна. В руках она держала большой сверток, причем сверток этот шевелился и верещал, сама же Виктория не успела ни причесться, ни одеться как следует: она надела пальто на несколько размеров больше, чем нужно, по всей вероятности, с материнского плеча, и пребывала в состоянии полной и весьма заразной истерики.

Виктория передала сверток Эрнесту со словами «Держи!». Мальчику ничего не оставалось, кроме как подставить руки. Сверток в ответ издал единст-

венный звук, каким он умел высказывать благодарность, — он сказал: «Ух!» Семимесячный Иеремия обладал словарным запасом из одного звука, которым он наловчился выражать практически все чувства. «Ух!», сопровождаемое улыбкой, означало, что младенец безмерно рад неожиданному обороту, какой приняли дела.

В семье Монтардан имелось достаточно народу, не говоря уже о Жанетте, чтобы присмотреть за самым маленьким, когда родители на работе. Но во вторник у Жанетты был выходной, а дежурным по Иеремии назначили Симона, у которого по вторникам не было занятий. Вот только Симон как ушел накануне вечером, так до сих пор и не вернулся, и, после того как все члены семьи, не подозревая ничего дурного, отправились по своим делам, Виктория, уходившая из дому последней, обнаружила, что семь килограммов двести граммов проблем достались в наследство именно ей.

— Этот безмозглый идиот Симон так и не явился домой, сволочь безответственная! — завопила она.

— Но, может быть, с ним что-то случилось? — участливо спросил Эрнест.

— С кем?

— С Симоном. Нужно заявить в полицию или по крайней мере позвонить твоим родителям.

— Еще чего! Этот негодяй постоянно так поступает, ночует черт знает где. Он утверждает, что у нас и так слишком много народу.

У Эрнеста не было большого жизненного опыта, и он слушал все это с изумлением. Меж тем Иеремия схватил его за нос и не хотел отпускать, по всей вероятности, приняв нос за новую модель пустышки.

— Что же делать?

— Ты ведь хочешь пойти в школу, мой юный гений? — осведомилась Виктория у Иеремии. Ответом ей было радостное «Ух!».

— Но я думаю, это запрещено. На твоём месте я бы остался дома.

— Тебе легко говорить, Эрнест, тебе, который в жизни ещё не пропустил ни одного урока. У нас, между прочим, сегодня контрольная, и я к ней первый раз в жизни подготовилась.

Эрнест задумался, а девочка объяснила ему свой план.

— Я его спрячу под пальто. А если меня спросят, почему я в верхней одежде, я скажу, что мне холодно.

Эрнест продолжал думать, а Иеремия тем временем дергал его за волосы.

— Давай же! Иначе опоздаем. А нам нельзя привлекать к себе внимание.

— Но ему же будет жарко под пальто!

— Нам всем сегодня будет жарко!

Около школы Виктория забрала Иеремию, а взамен всунула Эрнесту подгузники и бутылочку с молоком. Он убрал все это в ранец, где лежала книга, давившая ему на сердце.

В школьном дворе они попытались смешаться с толпой, но Виктория с грузом была слишком похожа на верблюда с горбом на животе. Эрнест, как мог, прикрывал ее и шепотом успокаивал Иеремию: «Не бойся, мы уже на месте. Я знаю, тебе там темно и душно, но поверь, старина, это ненадолго». Иеремия традиционным «Ух!» пообещал вести себя хорошо.

Но когда все расселись в классе, Иеремия, зажатый между коленями Виктории и столом, быстро забыл про свое обещание. Когда учитель раздавал задания для контрольной, из-под пальто раздалось несколько деликатных стонов, привлечших внимание всех, кто сидел поблизости.

— Давай сюда бутылочку! — потребовала Виктория. Мальчик полез в ранец, но тут Виктория отменила приказ: — Не надо, вроде бы уснул.

— Виктория, Эрнест, потише, пожалуйста.

Первый раз в жизни Эрнесту сделали замечание. Он был немного горд. Наконец-то он, можно сказать, чем-то отличился. Решая на автомате задачи, мальчик размышлял: уж не начал ли он таким образом карьеру двоечника?

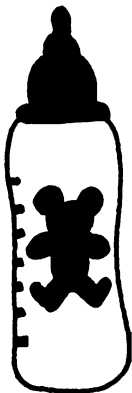
— Виктория, ты что, решила, что тут у нас Сибирь? — спросил учитель. — Тебе не жарко в пальто?

Виктория, не поднимая глаз, покачала головой в надежде, что про нее забудут. Ей было дико жарко, пот капал на листок с контрольной, но она продолжала писать: уж слишком ей хотелось продемонстрировать все знания, усвоенные с помощью Эрнеста.

— А ты уверена, что он не задохнется?

— У него большой опыт, он девять месяцев просидел в животе у матери.

Как будто бы подтверждая худшие опасения Эрнеста, Иеремия издал глухой звук, после которого по классу разнесся жуткий

запах, как будто кто-то применил страшное бактериологическое оружие.

— Воняет, — сказала Виктория.

— Я чувствую. Что будем делать?

— Мы — ничего. Он просто обделался, поросенок.

Она уже почти закончила задание, когда Иеремия начал плакать. Тайное стало явным, и Виктория достала сверток с младенцем из-под пальто. Учитель мог не заметить всего этого лишь в том случае, если бы он был глух, слеп и совершенно глуп. Но он таким не был. Подойдя к парочке правонарушителей, он спокойно осведомился:

— А это что такое?

— Это Иеремия, мой младший братик. Вы не могли бы приглядеть за ним несколько минут, пока я допишу контрольную

Учитель не возражал. Он взял Иеремию на руки и поднес к окну.

— Не плачьте, молодой человек, — сказал учитель ребенку. Иеремия тут же прекратил выть. Похоже, он был просто рожден для школы.

Директриса не имела привычки часто заходить в класс, где учились Виктория и Эрнест. Отношения с учителем у нее были, прямо скажем, натянутые. Возможно, на этот раз она почувствовала, что в классе творится что-то необычное. И не ошиблась: войдя в классную комнату, она застала учителя на месте преступления — он баюкал ребенка, явно не значившегося в списках учеников.

— Это школа, а не ясли! Что здесь делает этот грудничок? Вы не имеете права приносить на работу своих детей!

Иеремия широко улыбнулся и произнес свое коронное «Ух!». Виктория невозмутимо продолжала заниматься контрольной, поэтому объяснения пришлось придумывать Эрнесту:

— Сегодня ребенка не с кем было оставить дома.

— Это школа, а не камера хранения! Это государственная общеобразовательная средняя школа! Чей это ребенок?

Эрнест взял Иеремию на руки. Виктория наконец поставила последнюю точку в контрольной и подошла к Эрнесту.

— Этот ребенок наш.

Директриса хищно впиалась глазами в отважную парочку. Только этого еще не хватало.

— В смысле, это мой младший братик.

— Следуйте за мной! — сказала она нарушителям школьного порядка. — А с вами, — бросила она учителю, — я побеседую на перемене.

— Госпожа директриса, можно мы сначала его переоденем?

— Следуйте за мной, я сказала, здесь вам не детская комната!

Эрнест взял с собой ранец, чтобы не доставать подгузники при всех. Класс неистовствовал. Все размахивали руками и выкрикивали «утеньки-путеньки» и всякие другие словечки, какими принято обращаться к младенцам. Никто не мог сопротивляться обаянию Иеремии, никто, кроме директрисы. Учитель, например, при виде ребенка просто растаял... Ему даже в голову не пришло выругать Викторию с Эрнестом.

Зато директриса никак не могла успокоиться:

— Я уже тридцать лет в школе, но я еще не разу не видела ничего подобного! Я хочу видеть ваших родителей!

Эрнест за все пять лет в школе еще ни разу не побывал в кабинете директора.

— Я позвоню вашим родителям.

Эрнест не хотел ей мешать. Пусть сама убедится, что с его «родителями» по телефону не поговоришь, тут придется отправлять телеграмму.

— Итак, начнем с тебя, Монтардан, — грозно сказала директриса. Она достала из шкафа два личных дела, внимательно просмотрела их и набрала телефон Виктории. Но там никто не брал трубку. Тогда директриса позвонила на работу маме девочки, задумчиво произнесла вслух: «Хм, министерство иностранных дел». Было слышно, как из трубки раздаются двенадцать гудков, потом начала играть обыкновенная для офисных телефонов музыка.

Иеремия был далеко не так мелодичен, он плакал и протестовал. Своим «Ух!» он выражал крайнее недовольство директрисой.

— Может, мы все-таки поменяем подгузники?

— Ладно, идите, — брезгливо сказала директриса. В этот момент громкий звонок известил о начале перемены.

Виктория с Иеремией и Эрнест с подгузниками вышли в коридор. Девочка направилась к женскому туалету.

— Я туда не пойду, — сказал Эрнест, опасливо глядя на толпу школьников.

— Хорошо, идем к мальчикам, ведь Иеремия как-никак мужчина. А мужчинами меня не испугаешь.

После окончания гигиенических процедур все трое вернулись в кабинет директрисы, которая буквально кипела от злости.

— Твоя мать на совещании. Твой отец на совещании. А телефона Морлесов я найти не могу. И что мне теперь прикажете делать?

— Мой братик очень смирный, он никому не мешает.

— Он мешает мне! И вы оба тоже! Ясно? А теперь марш отсюда! Ступайте домой и нянчитесь там со своим младенцем. В четверг перед уроками я хочу видеть ваших родителей, без этого я вас в школу не пущу!

Эрнест быстренько сбежал за своим ранцем а затем забрал у Виктории ее ценный груз, и они вместе отправились домой. Шли они довольно понуро, ощущая себя отверженными. Возле самого дома они столкнулись с... Симоном, который как ни в чем не бывало воскликнул: «Привет!»

— Да уж, привет, — лаконично ответствовала Виктория.

— А что, сегодня уроков, что ли, нет? — невинно поинтересовался Симон, взяв на руки Иеремию. — Ну что, малыш-коротыш, ты славно погулял сегодня?

— Ну что поделаешь с такими людьми? — сказала Виктория Эрнесту, пожимая плечами. — Он, можно сказать, нам всю будущую жизнь испортил, а сам — как огурчик. Держу пари, он даже не подозревает, что сегодня вторник.

— Черт! Вторник? Уже? Ничего себе! А как же ты управилась с малышом?

— Он ходил с нами в школу.

— А родители знают?

— Узнают, не беспокойся.

Иеремии не хотелось возвращаться домой, он определенно предпочитал школу.

— Сейчас я дам тебе поесть, — сказал Симон; он уже успокоился и не испытывал ни малейшего раскаяния.

— Подожди, его бутылочка у меня.

С этими словами Эрнест открыл ранец и оценил масштабы катастрофы. Пока они шли домой, все молоко вылилось на книжку, которой он дорожил больше всего на свете. Эрнест достал из ранца пустую бутылочку и книгу — мокрую и липкую. Виктория быстро поняла, насколько это серьезно, и поспешила успокоить Эрнеста.

— Не переживай, мы вымоем ее, а потом высушим феном.

Пока Симон возился с Иеремией, Эрнест и Виктория в ванной оказывали первую медицинскую помощь книге. У Симона все-таки проснулась совесть.

— Я пойду с вами в школу и все объясню.

— Она сказала «с родителями», так что тебя могут и не пустить.

— Хорошо, раз вы все не можете пойти в школу, я дам вам денег на кино.

Выходило, что студент киношколы не лишен чувства справедливости. Виктория бросилась на шею своему легкомысленному братцу.

— Заметано, — сказала она, — и что же ты нам советуешь посмотреть?

9. Господин де Монтардан

ино Эрнест, естественно, тоже внес в список открытий. Хоть учитель не просил его на этот раз писать сочинение, мальчик все равно решил изложить свои впечатления на бумаге. Он ведь не мог поделиться ими с Бабушкой, иначе пришлось бы рассказать ей о том, как его и Викторию выгнали из школы. А это ему отсоветовал делать господин де Монтардан; он сказал: «Не волнуйся, Эрнест, и Бабушку не волнуй, в четверг утром я все улажу». Эрнест так и сделал: совершенно не волнуясь, принялся описывать первый в его жизни поход в кино.

В кассе Виктория заплатила за два билета. Мы зашли в темный зал, где свет исходил только от большого экрана. Мне было немного не по себе, так как звук меня оглушал, а картинки пугали.

«Это анонсы фильмов» — сказала Виктория. В зале мы были чуть ли не единственными зрителями. Утонув в мягком кресле, я сначала стал вспоминать все, что произошло утром, потом сунул руку в ранец и пощупал, высохла ли книга, и уже собирался подремать, но тут как раз начался фильм. И с этой минуты я перестал думать о чем-либо, настолько увлекательным оказалось все, что происходило на экране. Меня самого как будто не существовало, и это было очень здорово. А когда фильм кончился и мы пошли к выходу, я даже не сразу сообразил, что в это время я обычно выхожу из школы, что сегодня вторник и этот вторник еще не кончился и что он еще захочет взять свое, но я ему не дамся.

Эрнест проводил Викторию до ее подъезда. Именно там он встретил господина де Монтардана, которого раньше никогда не видел. Отец Виктории сказал, что все уже знает от Симона, и пообещал в четверг утром побывать у директрисы. Эрнест вдруг ощутил какую-то пустоту; он все еще находился под впечатлением от увиденного фильма, но одновременно чувствовал, что ему чего-то не хватает. Дома он съел традиционное яблоко и понял, что недостает ему того, что обычно помогало ему коротать вечера, его верных друзей — домашних заданий. Ему было нечего делать, ведь его учебники остались в школе, на парте. Он пошел в свою комнату, закрыл дверь и достал из ранца спасенную от молочного потопа Книгу. На первой странице было написано: «Посвящается Женеьеве, Чернике, Клементине, Сливе, Черешне и Яблочку». Ему почудилось, что в этом списке не

хватает по крайней мере одного имени. Эта идея так поразила мальчика, что, вместо того чтобы продолжать чтение, он взял ручку и написал первое в своей жизни письмо.

Дорогой господин Морлес,

Ваша книга меня сильно заинтересовала, хотя я так и не успел ее прочитать и узнать, о чем она... меня заинтересовала фамилия, стоящая на обложке. Потому что у меня фамилия та же самая.

Я вовсе не хочу разжалобить Вас историей моей жизни, Дэвиду Копперфильду или Оливеру Твисту жилось гораздо хуже, чем мне. И я даже не понимал, как плохо я живу, пока не познакомился с Викторией, моей одноклассницей, и она не открыла мне радости жизни, о существовании которых я даже и не подозревал. Я попробовал фондю по-бургундски, я подержал на руках грудного младенца, я побывал в большом-большом магазине (где, кстати, и купил Вашу книжку), и мне даже удалось выманить бабушку из квартиры — мы с ней сходили в ресторанчик на нашей улице и поели кускус. Я не знаю, ласкали ли меня так часто, когда я был маленький, как ласкают все кругом маленького Иеремию, но у меня такое впечатление, что первой, кто меня поцеловал, оказалась Виктория, она все время чмокает меня в щеки и клянется, что ровно через двенадцать лет мы с ней обязательно поженимся.

А пока мне десять лет, я учусь в начальной школе и, до вчерашнего дня, был очень хорошим учеником. Бабушка мало разговаривает, но мне кажется, что она мной довольна. Я надеюсь, она не узнает, как меня вчера выгнали с уроков.

Раньше я не задумывался о том, что у других детей есть папы и мамы, братья и сестры, а у меня нет никого. Я мало общался с другими детьми. Я пытался расспросить бабушку, но она очень скрытная. Она только сказала, что мой отец жив. Может быть, это Вы? Я не знаю, на что надеяться, но очень жду Вашего ответа, господин Морлес.

Эрнест Морлес.

Он долго рылся во всех ящиках шкафов и комодов, прежде чем нашел старый пожелтевший конверт. Клей давно уже высох, и мальчику пришлось скрепить конверт скотчем. Он написал на конверте «Гаспару Морлесу», положил письмо вместе с книгой в ранец и стал с ужасом ждать послезавтрашнего судного дня.

Виктория и ее папа ждали Эрнеста в машине перед подъездом. Как только Эрнест вышел из дома, они загудели. Костюм и галстук были господину де Монтардану очень к лицу, но, похоже, лишнее мероприятие в начале и без того расписанного по минутам дня его не слишком радовало. У него был усталый, ужасно усталый вид, и казалось, что он не просил ни деда Мороза, ни Господа Бога, ни аистов преподнести ему целых четырнадцать детей. Честно говоря, Эрнест был не в курсе насчет того, как появляются на свет дети. Ни Бабушка, ни Жермена никогда ему об этом не говорили. А Викторию он спрашивать не хотел, он боялся, что она как раз в курсе и объяснит ему всё как есть, с разными кровавыми деталями. Во всяком случае, думал он, это не должно быть уж очень сложно, раз самые необразованные люди занимаются этим испокон веков. Наверное, есть вещи, которым не нужно

учиться, которые делаются сами собой, например ложиться спать и... любить Викторию.

Директриса имела, по обыкновению, вид обиженный, раздраженный, разъяренный, но, увидев господина де Монтардана, она мигом растаяла. Он был само совершенство: дорогой костюм и отличная стрижка, ухоженный, как итальянец, высокий, стройный, не красавец, но с тонкими чертами — словом, настоящий начальник. Разговор еще не начался, а директриса уже раскaiивалась, что побеспокоила такого важного человека. Она могла долго отчитывать его по телефону, крича, что такие вещи недопустимы, но сейчас, с глазу на глаз, она только и сумела что пролепетать: «Я все понимаю, такая история может случиться с каждым». А потом пообещала лично проследить за тем, чтобы Виктория и Эрнест нагнали пропущенное и эта история никак не сказалась на их оценках. Пока директриса самым сахарно-медовым голосом рассыпалась в извинениях, отец Виктории даже слова вставить не мог. Он, кажется, был даже немного разочарован, как человек, который готовился к битве, а ему отдали победу без боя. Он поцеловал детей и поспешил на работу.

В классе и ученики, и учитель встретили Викторию и Эрнеста как героев. Учитель отдал им контрольные: обе оказались написаны на «отлично». Иеремия принес удачу!

Одноклассница Элоди (одна из трех Элоди в классе) пригласила нашу пару к себе на день рождения, а Людовик позвал Эрнеста поиграть с ним футбол на перемене. Эрнест перестал быть неприкасаемым, но вот беда — играть в футбол он по-прежнему не умел!

Ко всему можно привыкнуть, так и Эрнест очень быстро привык к тому, что он полноправный член общества. Но чем больше он говорил с людьми вне дома, тем больше ему хотелось поговорить с Бабушкой. Он не хотел ее пугать, но ему страшно хотелось рассказать ей про подвиги Иеремии в школе и показать книгу. Однажды он, наконец, собрался с духом и вернулся домой, полный решимости. В квартире было тихо, как в кино после сеанса. На кухне стол был пуст, а на плите не стояло ни одной кастрюли. Даже эти мельчайшие признаки хоть какой-то жизни, и те исчезли. Лишь у буфета стояла сумка с овощами для супа. Эрнест бросился в комнату Бабушки: кровать была не застелена, но пуста.

Эрнест подумал о своем письме: может, это оно навлекло на дом такие страшные бедствия? Но ведь он даже не успел его отправить! Он скитался по пустой квартире. Ему пришло в голову достать другое письмо, как будто те каракули помогли бы ему решить, что делать. Единственным разумным поступком было бы рассказать все Виктории. Но ведь пока он побежит к Монтарданам, Бабушка может вернуться, и тут уж она придет в панику, не найдя его на месте.

Но пока в панику пришел сам Эрнест. Он уселся на старый диван и почувствовал, что страх

охватил все его существо. Он сидел, не в силах пошевелиться, он не мог ни читать, ни писать, ни думать, и в голове у него вертелась только одна фраза: «Бабушка умерла!»

Когда он повторил эту фразу в пятый раз и уже почти поверил, что это правда, в комнату тихонько вошла Бабушка в пальто и шляпе, села рядом с ним и сказала:

— Жермене стало плохо, ее увезли в больницу. Сосед вызвал скорую помощь по моей просьбе. Прямо сейчас ей делают операцию на сердце.

И тут случилось невиданное — Бабушка заплакала. Эрнест обнял ее. Он не сказал: «Не плачьте», нет, наоборот он сказал: «Плачьте, плачьте».

— Я знала, что рано или поздно это случится, — прошептала Бабушка, — рано или поздно некому станет тобой заниматься. В восемьдесят лет у человека дни уже сочтены. Но я старалась не прислушиваться к своим страхам. — Тут она взяла себя в руки и сказала: — Пойдем, поедим чего-нибудь, и я провожу тебя

в школу, — продолжила она. — А потом мне надо будет кое-что купить.

— Но я могу купить все, что нужно, когда буду возвращаться из школы.

— Не знаю, Эрнест, как мы со всем этим справимся. Я слишком стара, а ты слишком мал.

— Бабушка, не волнуйтесь, мы справимся.

— Но Жермена, она...

— Ей очень плохо, да?

— Сейчас она спит, но врачи мне сказали, что...

— ...она не сможет больше работать, — закончил за Бабушку внук.

— А у меня так мало сил, Эрнест!

— Я поделюсь с вами, дорогая Бабушка!

10. Анриетта

 Ты можешь жить у меня, — предложила Виктория. — У меня под кроватью есть прекрасный матрас.

— А как же Бабушка?

— Я спрошу у мамы и завтра дам тебе ответ. На мой взгляд, там, где есть место для семнадцати, найдется местечко и для восемнадцатого.

— Но мне кажется, что Бабушке нужна тишина, она не привыкла быть на людях.

— Мы можем поселить ее в комнатке для прислуги.

— Не думаю, что это хорошая идея. Кстати, а ты не могла бы мне дать кулинарную книгу? Тогда я смогу научиться готовить. И еще... — Эрнест порылся в ранце и достал оттуда письмо. — Слушай, Виктория, Дан говорил мне, что может найти адрес издательства...

— Да-да, давай его сюда, не волнуйся. Дан все сделает.

Купив продукты в маленькой бакалейной лавке около школы, Эрнест вернулся домой. Бабушку он застал на кухне: Бриллианта чистила овощи. На каждую морковину или картофелину она тратила столько времени, что казалось, будто она делает из них скульптуры. Эрнест сел рядом и принялся помогать бабушке. Оказалось, что освобождать овощи от кожуры совсем не так легко, как кажется. С другой стороны, ничего особенного. Например, разбивать яйца — дело нехитрое, особенно если допустить, что омлет со скорлупой еще вкуснее. Эрнест очень старался, ему хотелось доказать Бабушке, что они способны выжить самостоятельно.

С супом все было о-кей. Бросаешь овощи в кастрюльку и оставляешь их там в свободном плавании. Правда, Бабушка осталась на всякий случай караулить у плиты, словно боялась, как бы они там не утонули. Эрнест устроился за столом и принялся за уроки. Он понимал, как важно для Бабушки знать, что все идет по заведенному порядку; а самому ему было приятно, что он в комнате не один.

Он сделал уроки и убрал учебники с тетрадками в ранец, где лежала книга — лежала тихо, но постоянно напоминала о себе. Он успел поставить на стол только одну глубокую тарелку, когда тишину квартиры нарушил звонок. Это явились Виктория и Завулон с кастрюлькой и пирогом.

— Это тушеное мясо, — сказал Завулон. Он был всего на год старше Виктории, однако очень гордился тем, что он уже большой и учится в шестом классе.

— Право же, вам не стоило беспокоиться, — сказала Бабушка, смущенная такой заботой, — мы как-нибудь выкрутимся.

— У нас дома вся еда готовится в промышленных масштабах, так что вы не волнуйтесь, мы себя не обделили... К тому же мы вам составим компанию...

Эрнест хотел достать еще два прибора, но Бабушка направилась к буфету и вынула парадные тарелки, которых он никогда не видел. Мало того, Бабушка улыбнулась.

За столом, поедая вкусное тушеное мясо из красивых тарелок и глядя на улыбающуюся Бабушку, можно было забыть обо всех проблемах.

Виктории, впрочем, не терпелось поделиться важной новостью.

— Мы тут кое-чего придумали. У Жанетты, нашей кухарки, есть дочка, которая ищет работу. Она могла бы заменить Жермену. Я никогда ее не видела, но Жанетта говорит, что это что-то потрясающее.

— А сколько ей лет? — спросила госпожа Морлес.

— Где-то около двадцати.

— Немного юности нам не помешает.

— Кажется, она очень любит готовить, она хотела стать шеф-поваром,

но у нее возникли проблемы в кулинарном лицее. Там ей не давали готовить то, что она хочет. А вообще она мечтает открыть свой ресторан.

— У нас ей будет негде разгуляться, тут всего двое едоков.

— Она готова делать все, что скажут. Кстати, она и шить умеет.

— Ну, хорошо, пусть приходит завтра, мы посмотрим.

Она явилась, когда Эрнест еще только собирался идти в школу.

— Меня зовут Анриетта, — проговорила великанша, которая казалась еще выше на десятисантиметровых каблуках. На лице — мрачный макияж, веки покрыты темно-сизыми тенями. Копна черных волос — как воронье гнездо. Ядовито-оранжевое платье — очень-очень тесное и очень-очень короткое, прямо не платье, а купальный костюм. Ноги — длинные-предлинные, почти бесконечные. А груди выставлены вперед, как пушки, это даже Эрнест заметил. У него возникло предчувствие, что Бабушке все это понравится не может, однако все вышло иначе. Бабушка оценила энергию и улыбку новой знакомой.

— Ай-яй-яй, здесь у вас темновато, — сказала Анриетта. — Нужно больше света.

В первый раз в жизни Эрнесту не захотелось идти в школу. Он хотел посмотреть, что будет делать Анриетта, похожая на маленькую девочку, которой подарили кукольный дом.

Вернувшись в полдень из школы, Эрнест приоткрыл дверь и тут же замер, потрясенный восхити-

тельным запахом. Он редко хотел есть, но этот запах звал, манил, вызывал острое желание засунуть голову в кастрюлю.

— Сначала у нас салатик с орешками, потом петух в вине. А на десерт — сюрприз!

Бабушка села за стол в нарядном платье, давно вышедшем из моды, но очень красивом. Заметив изумление Эрнеста, Анриетта наставительно сказала:

— У нас тут не больничная палата! Мои блюда в халате не едят.

Бабушка покорно подчинилась требованию переодеться, но оценить предложенные ей диковинные блюда ей было нелегко. Она ела робко, как король, который боится, что ему в еду подсыплют яд. Каждый новый кусочек Бабушка подозревала в чем-то нехорошем; впрочем, блюда, приготовленные Анриеттой, были настолько вкусны, что старая дама начала потихоньку оттаивать.

Сказать о стряпне Анриетты, что она восхитительна, значило бы не сказать практически ничего. Эрнест понял, что тут нужны какие-то новые слова. Когда он собрался уходить, Анриетта сообщила: «Твоя бабушка попросила меня пригото-

вить на ужин суп. Я сделаю супчик из брокколи со шпинатом. Согреешь его, а потом бросишь в кастрюльку гренки с чесноком. А завтра я вам сделаю рагу под белым соусом».

Сюрпризы продолжились и вечером. Эрнест вернулся домой и с удивлением обнаружил, что занавески со всех окон сняты, кое-что из мебели и безделушек исчезло, а в его собственной комнате все вещи переставлены.

На его немой вопрос Бабушка ответила:

— Анриетта сказала, что у нас тут настоящий блошинный рынок и что она не может работать в такой обстановке.

Впервые в жизни она рассказывала Эрнесту, как провела день, и, кажется, получала немалое удовольствие:

— Эта громадина рта не закрывает, все время спрашивает, что мне больше нравится: перец или тмин, чеснок или имбирь... Она потратила на еду в четыре раза больше, чем тратила Жермена...

— Но это было как минимум в четыре раза вкуснее!

— Кстати, она мне пообещала, что это только для начала, она купила пряности и, как она выразилась, только самое необходимое. Завтра она собирается тащить меня в магазин выбирать ткань для новых занавесок, но об этом не может быть и речи! Завтра я иду в больницу к Жермене.

— Я с вами.

— Хорошо, пойдем после уроков.

На другой день Анриетта явилась в ядовито-желтом платье и все на таких же громадных каблу-

ках. Она запыхалась, так как притащила с собой швейную машинку, продукты для готовки и кучу других пакетов. Эрнесту опять не захотелось уходить из дома.

Когда он вернулся, на окнах уже красовались новые светло-желтые занавески, все в крошечных цветах и фруктах. Комнату было не узнать.

— Вы сделали хороший выбор, дорогая Бабушка. Так красиво!

— Это не я выбрала. Я сказала Анриетте, что доверяю ее вкусу. Ешь, и пойдем.

Эрнест съел кусочек шоколадного торта, оставшийся от вчерашнего десерта, но даже это не смогло его успокоить: мысль увидеть Жермену в больнице вселяла в него ужас.

Когда они подошли к стеклянным дверям палаты, медсестра сказала, что детям внутрь входить нельзя, а Бабушке велела надеть маску, колпак и бу-мажный халат. Эрнест помог ей облачиться и стал смотреть, как Бабушка медленно приближается к кровати Жермены.

Глаза больной были закрыты. Одна трубка торчала из носа, другая выходила из-под одеяла. Жермена лежала в палате совсем одна, ненакрашенная, такая незащищенная. Бабушка тронула ее руку и сказала:

— Жермена, мы очень волнуемся за тебя, но ты уже идешь на поправку. Ты сильная, ты выкарабкаешься. Мы все время думаем о тебе. Мы с тобой. Не волнуйся за нас. Мы справляемся, все идет хорошо. Если хочешь, когда тебя выпишут из больницы, ты сможешь жить у нас. Мы будем вместе, и ты совсем поправишься.

Эрнест был удивлен, он никогда не слышал, чтобы Бабушка обращалась к Жермене на ты. Может быть, больным всегда тыкают, потому что они как дети? Или это влияние Анриетты: она ведь сразу стала звать Бабушку на ты, а Бабушка, чтобы ее не обижать, стала ей отвечать тем же?

Жермена открыла глаза и произнесла всего одно имя:

— Эрнест?

— Он пришел со мной, но сюда детей не пускают. Он там, за дверью.

И тут Эрнест вдруг почувствовал, что сердце у него щемит и посылает ему тревожные сигналы. Раньше он об этом как-то не задумывался. Он видел Жермену каждый день с самого раннего детства. И только сейчас вдруг осознал, что она может умереть. Жермена не слишком хорошо готовила и не вносила в их жизнь никаких преобразований, но она занимала свое место в этой жизни... и в их сердцах. Получив в школе хорошую отметку, Эрнест всегда думал: «Жермена будет довольна». Она не была щедра на ласку, но, пожалуй, Эрнест был единственным, кому она иногда улыбалась, кого она, пожалуй, могла бы даже поцеловать. Но до этого никогда не доходило, как будто ей, как и Бриллианте, казалось, что ласки, поцелуи — это все не для них. Эрнесту нравилось, как она произносит его имя, — как будто бы она делала какое-то открытие. Эрнесту нравилась ее любовь к косметике. Эрнесту нравилось, что у нее есть принципы. Эрнест просто-напросто любил Жермену, вот в чем дело. Он посмотрел в палату сквозь стеклянную дверь и заплакал.

11. Вениамин

 Эрнест и Бриллианта быстро приспособились к Анриетте и ко всему перченому и острому, что она внесла в их жизнь.

Эрнест понял, что жизнь умеет делать сюрпризы и каждый день способен чем-то удивить. Первым и главным сюрпризом оказалась Виктория, а затем посыпался целый букет сюрпризов, маленьких, средних и больших. Теперь каждое утро Эрнест просыпался со страстным желанием жить и с разгорающимся все сильнее любопытством; он ждал новых открытий. Получалось так, что в первый раз он родился неудачно: мать умерла, отец исчез, Бабушка всего боялась, Жермена пребывала в вечном унынии, а он сам превратился в настоящего Спящего Красавца, и только появление Принцессы помогло ему родиться во второй раз.

Но в данный момент он ждал Анриетту; ему уже пора было уходить в школу, а она все не появля-

лась. Он ждал ее до самой последней минуты, рискуя опоздать на урок, он хотел услышать стук ее высоких каблуков. Но пришлось уйти, так и не услышав, как Анриетта говорит ему: «Привет!» Хуже того: когда в обеденный перерыв Эрнест вернулся домой, Анриетты по-прежнему не было. Пришлось довольствоваться остатками вчерашних яств в обществе неразговорчивой Бабушки. Впрочем, Эрнест и сам не особенно хотел разговаривать; Виктории рядом не было, а сказать он бы мог только одно: оказывается, жизнь не только дарит подарки, но и отбирает их назад; оказывается, сюрпризы бывают и не только приятные. «Наверное, у нее были какие-то важные причины, чтобы не прийти», — подумал Эрнест про Анриетту.

Все разъяснилось, когда к ним пришел пятнадцатилетний Вениамин де Монтардан и объяснил, что Анриетта лежит дома с гриппом. И что та же участь постигла Викторию, Завулону и маленького Иеремию. Анриетта не пришла, потому что боится заразить всех и в этом доме.

Когда Анриетта наконец поправилась и, еще больше отощав и взгромоздившись на еще более высокие каблуки, добралась до заброшенной кухни семейства Морлес, она подняла жуткий крик:

— Нет, так жить невозможно! Посмотрите на календарь! Скажите мне, какой на дворе век? Мы все живем в двадцатом веке, не успеешь оглянуться — наступит двадцать первый, скажешь, нет? А вот вы живете в девятнадцатом веке — да что я говорю, в каменном веке! Или вы заводите себе телефон, или ноги моей больше не будет в этом доме! Безобразие! Мне пришлось просить людей, у которых работает

моя мать, чтобы они шли сюда и сообщали вам про мое здоровье! Всякое может случиться. Например, у вас может возникнуть желание позвонить бедной умирающей Анриетте и пожелать ей скорейшего выздоровления! Сказать ей: Анриетта, миленькая, лечись как следует и поскорее возвращайся к нам! Нет? Не может возникнуть такого желания?!!

Эрнест никогда еще не видел истерики. И не знал, как на все это отреагирует его Бабушка. Он боялся, что она прогонит жизнерадостную девицу, которая взялась командовать в их доме. Но Бабушка сдалась, не оказав сопротивления:

— Мы сделаем все, что нужно.

Так, благодаря стараниям Анриетты у них дома появился телефон. Светло-серый аппарат занял место на буфете, том самом буфете, где хранилось позабытое письмо. Анриетта написала список из трех самых нужных номеров: своего собственного, Монтарданов и «скорой помощи». Эрнесту нравилось поднимать трубку просто так и слушать гудки. Мальчик гладил красивый телефонный аппарат, как будто тот мог от этого взять и зазвонить. Где-то на другом конце линии, на краю света находился абонент, собеседник... отец.

Эрнест получил от Анриетты короткий урок пользования телефоном и, желая попрактиковаться, позвонил Виктории. Ее голос, доносившийся из трубки и прерываемый глухим кашлем, казался совсем чужим.

— Это Виктория де Монтардан?
— То, что от нее осталось...
— А что с тобой случилось?
— Я пала жертвой страшных бактерий, которые поразили мои легкие и движутся к нервной системе. Я инвалид, у меня жар, чума и холера.

— Это опасно?

— Нет, пока я могу есть шоколад. Это для меня лучшее лекарство. У нас половина семьи заболела, здесь настоящий госпиталь.

— А я могу как-нибудь помочь?

— Постой, я только сейчас поняла, что ты мне **ЗВОНИШЬ ПО ТЕЛЕФОНУ!!!** Ты что, из телефонной будки звонишь?

— Нет, я звоню из дома, нам провели телефон.

— Брось!!!

— Надо сказать спасибо Анриетте.

— Эрнест, я боюсь, что ты скоро так осовременишься, что станешь как все.

— Никто не бывает как все; каждый непохож на другого.

— Нет, каждый похож на всех остальных.

— И то, и другое правда.

— Ладно, дай-ка мне свой номер, я тебе не верю. Сейчас перезвоню, чтобы убедиться, что у тебя действительно есть телефон.

Виктория перезвонила. Резкий звук, казалось бы, перевернул весь мир. Эрнеста как будто парализовало от страха, и понадобилось полтора десятка звонков, чтобы он наконец догадался взять трубку. Виктория строго отчитала его:

— Когда звонят, нужно брать трубку!

С этой минуты телефон занял в жизни Эрнеста огромное место, гораздо больше тех квадратных сантиметров, какие занимал сам телефонный аппарат. Как заботливая мамаша следит за больным ребенком, боясь, что тот вот-вот заплачет, так и Эрнест следил за телефоном, ожидая, что тот вот-вот зазвонит. Благодаря телефону он был теперь не один, от телефона он каждый день ждал сюрпризов. Вечерами Эрнест и Бабушка усаживались возле телефона, как другие люди усаживаются возле костра или перед телевизором, и мальчик молил это электронное божество подать ему хоть какой-нибудь знак, но телефонный бог оставался глух к его мольбам. Знакомых у Морлесов было мало, а Виктория слишком ослабела от болезни, чтобы звонить все время.

Утром, уходя в школу, Эрнест печально прощался с телефоном, а вечерами, вернувшись из школы, первым делом шел его поприветствовать. Вместе с аппаратом им дали телефонную книгу, и Эрнест немедленно обнаружил в ней телефон Гаспара Морлеса. Мало того, этот человек жил в соседнем районе — неправдоподобно, головокружительно близко. Эрнест выучил номер наизусть и стал бороться со страстным желанием позвонить. Всякий раз, когда ему удавалось справиться с искушением, он вознаграждал себя, звоня Виктории. Трубку всегда брал Вениамин, который неизменно встречал мальчика радостным: «Как поживаешь? Как дела?» — словно они с Эрнестом были знакомы тысячу лет. Эрнест терялся, он не знал, что сказать, кроме «Ничего, а у тебя?». К счастью, у Вениамина недостатка в темах для разговора не было. Он сообщал Эрнесту семейные новости, новости соседей и новости из телевизионной

хроники. Время от времени он хвастался Эрнесту новыми марками, пополнившими его коллекцию. И хотя Эрнест ничего не понимал в марках, он всегда готов был разделить радость Вениамина. В семье Монтарданов были дети на любой вкус, у одних — голубые глаза отца, у других — карие глаза матери, встречались брюнеты и шатены. Но Вениамин — это был особый случай, случай взбесившихся генов. У него были рыжие, почти красные волосы, напоминавшие красный свет светофора, и зеленые глаза, напоминавшие зеленый свет светофора. А еще у него был мирный характер, напоминавший белый флаг. Он мог часами сидеть у себя в комнате, перекладывая марки, но именно он всегда первым оказывался у телефона и приветствовал звонившего. Среди всех прочих Монтарданов он был белой вороной, потому что не блистал в школе. Учеба интересовала его, только если она была как-то связана с марками: по маркам он учился читать, по ним же выучил географию; из истории, биологии и литературы он знал только то, что изображено на марках. С утра до вечера он приводил в порядок свои бесчисленные альбомы, которые ему дарили на все праздники.

Вениамин выпрашивал марки у всех, включая Эрнеста:

— Если получишь конверт с какими-нибудь интересными марками, не забудь показать их мне!

— Извини, но почтальон ни разу в жизни не приносил мне писем. Меня забастовки на почте не касаются.

Два дня спустя Эрнест, который с тех пор, как он сам... в каком-то смысле... отправил письмо, завел

манеру заглядывать в свой почтовый ящик, обнаружил там прямоугольный конверт, адресованный господину Эрнесту Морлесу. На конверт была наклеена самая обыкновенная французская почтовая марка. Сердце Эрнеста забилося так сильно, как будто хотело пробить грудь и выпрыгнуть наружу, а на лбу выступили капельки пота. Не имея сил открыть письмо, он поднялся к себе в комнату, сорвал с шеи неизменный галстук и опустился на кровать. Дрожащими руками он вскрыл конверт, попытался успокоиться и прочел:

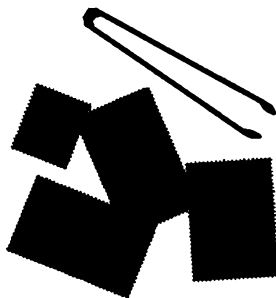
Дорогой Эрнест,

Привет! С днем рожденья! С новым годом! Счастливого Рождества! Удачи! Счастливого пути! Будь здоров! Happy birthday! Христос воскрес! Здоровеньки булы! Совет да любовь! Have a good day!

Примите, глубокоуважаемый Эрнест Морлес, уверения в моем низжайшем почтении.

Нежно обнимаю, твой друг Вениамин.

P.S. Ты говорил мне, что ни разу в жизни не получал писем. Вот тебе письмо номер один.

12. Элоди

Т

ридя в школу, Эрнест обнаружил на парте еще одно письмо. Просто какой-то ливень из писем!

«Прошу пожаловать ко мне на день рождения». На открытке был нарисован торт, воздушные шарик и конфетти, а внизу были написаны адрес, время и подпись: «Не забудь, что ты обещал прийти! Элоди».

Эрнест помнил, что Элоди действительно звала его вместе с Викторией, но он не помнил, чтобы он давал Элоди какие-то обещания. Это было на него не похоже, хотя он и решил постепенно сливаться с коллективом. Конечно, если тебя пригласили в гости, надо пойти. Если у тебя появилась возможность пообщаться с людьми, надо ею воспользоваться, потому что нет ничего более потрясающего, более колоссального, более изумительного, чем другое человеческое существо. За первые десять лет своей жизни Эрнест

не слишком часто общался с людьми и теперь намеревался восполнить пробел. Особенно если бы в гости можно было пойти вместе с Викторией.

Однако Виктория уже целую неделю болела, а без нее Эрнест участвовал в жизни класса всего наполовину. Он даже на сантиметр не пересекал невидимую границу, отделявшую его место за партой от места Виктории, чтобы, не дай бог, не задеть локтем ее призрак. Для всех остальных учеников Виктория отсутствовала, но для Эрнеста она присутствовала едва ли не более заметно, чем когда действительно сидела с ним рядом; она была как та яма, которую стремятся обойти и о которой так много думают, что в результате в нее же и падают. Эрнест хотел рассказать Виктории о тысяче вещей и страдал от того, что не слышит ее рассказов о тысяче других вещей, не слышит ее голоса и не видит ее жестов. Вот это и была яма, бездонная яма, бесконечная пустота. Хожение в школу потеряло всякий смысл. Говорят, что незаменимых нет. «Неправда, — думал Эрнест, — каждый человек незаменим и необходим, по крайней мере для своих родителей». Эрнест сам не понимал, каким образом он, выросший без родителей, дошел в своих размышлений до родительской любви. Порой ему в голову лезли мысли незванные и непрошенные.

С тех пор как Виктория заболела, да, впрочем, и раньше, Элоди вечно вертелась вокруг Эрнеста. Она приносила ему пирожные и разные маленькие подарки: ластик в виде сердечка, шариковую ручку с улыбающейся рожицей, карандашик, сделанный из ветки дерева. Эрнеста все это ужасно смущало. Отказаться от подарков значило оскорбить дарительницу, но он чувствовал, что нравится ей куда больше, чем она ему.

Элоди была девочка милая, заботливая, она во что бы то ни стало хотела с ним подружиться, она хотела, чтобы он ее полюбил, но он был не способен ответить ей взаимностью. Насильно мил не будешь. По заказу любовь не рождается. Любовь — это всегда чудо.

Эрнесту не нравилось, как Элоди всеми правдами и неправдами пытается убедить учителя, что Кристоф ей мешает заниматься и потому нужно ее от него отсадить. Она хотела, чтобы ее пересадили к Эрнесту, и, в конце концов, добилась своего. Но Эрнесту это совсем не понравилось. Для него сама мысль, что кто-то другой может занять место Виктории, казалась чудовищным святотатством. Он был возмущен и жался в комок, стараясь отодвинуться подальше от Элоди и как можно меньше с ней соприкасаться.

Элоди узнала номер его телефона и каждый вечер звонила, напоминая про день рождения в субботу. А Эрнест не знал, под каким предлогом отказаться. Пусть ему эта девочка не нравится, но ведь она тоже человек, у нее свои чувства, свой мир.

А Виктория все болела. Каждый вечер она говорила ему:

— Держись от нас подальше! У нас не квартира, а рассадник микробов. Но мама говорит, что если в эти выходные у меня не будет температуры, в понедельник я смогу пойти в школу. Ты еще со мной намучаешься, помогая мне наверстать упущенное. Я отстала, как самая настоящая черепаха.

— Не быстрота, а ум победу нам приносит.

— Человек, который цитирует Лафонтена по телефону, — самый умный из всех школьников Франции!

— Не самый умный, а самый несчастный, потому что должен тащиться на дурацкий день рождения.

— Кстати, а что ты собираешься ей дарить?

— Дарить?

— Ну, вообще-то на день рождения принято приходить с подарком.

Эрнест никогда не получал подарков на день рождения.

— Я об этом не думал.

Единственный подарок, какой он мог вообразить, была книга.

— Может, книгу подарить?

— Книга у нее уже есть, да вдобавок она, по-моему, вообще ничего не читает.

— Может, это потому, что ей никогда не попадались хорошие книги.

— Ты можешь ей подарить конфеты. Она все время их ест. Заметано, я завтра приготовлю тебе шоколадные трюфели, а ты их ей подаришь. Кто-нибудь из братьевников занесет тебе.

— Не беспокойся, я что-нибудь придумаю.

— Ну уж нет, мы сделаем именно так. Шоколад для трюфелей — это три новых фантика для моей коллекции.

К месту проведения праздника, а именно к квартире Элоди, Эрнест шел, успокаивая сам себя: «Мы в цивилизованной стране, никто меня не съест». Бабушке этот поход не очень понравился, но она его не отговаривала, только сказала: «Ты становишься взрослым». Она произносила это без всякой радости. Ее отец стал взрослым и пошел на войну, ее муж тоже. Ни тот, ни другой с войны не вернулись. Ее сын

подрос и пропал. Становиться взрослым — значит уходить, пропадать. А вдруг Эрнест уйдет в гости и тоже пропадет?

Подойдя к двери, Эрнест позвонил и протянул хозяйке трюфели, приготовленные Викторией.

— Спасибо, — сказала Элоди, даже не заглянув в пакет. В огромной просторной гостиной не было ни разноцветных шариков, ни нарядных лампочек, ни конфетти, изображенных на приглашении. Ничего и никого. Зато Элоди была наряжена и накрашена, как взрослая женщина. Она даже надела туфли на высоких каблуках, правда, не таких высоких, как у Анриетты. «Уж не намечается ли здесь бал-маскарад», — подумал Эрнест.

Несмотря на всю свою неопытность, он быстро догадался, что как дурак приперся раньше всех.

— Садись, — предложила ему хозяйка.

«Неужели у нее тоже нет родителей?» — подумал Эрнест, но спросить постеснялся. Можно было подумать, что она живет в этой гигантской квартире совсем одна.

— Что будешь пить? Виски, портвейн, анисовый ликер?

— Спасибо, я в это время дня не пью, — сказал Эрнест, решив, что Элоди шутит. Общение с Викторией давало свои плоды, и у Эрнеста появилось чувство юмора.

— Ну, хотя бы маленький глоточек?

Она открыла бар, вынула одну из многочисленных бутылок и разлила в два бокала золотистую жидкость. Эрнест понял, что Элоди и не думала шутить. Протянув один из бокалов гостю, хозяйка чокнулась с ним и сказала, быть может, громче, чем следовало:

— Будем здоровы!

Чтобы не обижать именинницу, Эрнест дрожащей рукой поднес бокал ко рту, отпил чуть-чуть и понял, что проглотить этот напиток он не в силах. Элоди же, наоборот, продолжала потягивать зелье маленькими глотками. Эрнест не имел ничего против, это давало ему возможность передохнуть. Элоди тем временем завела беседу:

— Ну, что новенького?

Новенького у него было в жизни столько, что мысли на выходе застряли в пробке и он всего лишь проямлил:

— Здесь у тебя неплохо...

Эрнест не любил слово «неплохо», но назвать «красивой» огромную пустую комнату он не решился, а для описания интерьеров у него имелся не слишком богатый запас эпитетов..

— Мама меняет обстановку каждые две недели, сейчас у нее период увлечения пустотой. Хочешь фисташек?

— Нет, спасибо, — сказал Эрнест, глядя на дверь. — Я, наверное, пришел слишком рано?

— Ты как раз вовремя.

— А остальные?

— Я не люблю толчею, я люблю общаться с глазу на глаз.

— Но ты же позвала Викторину и весь класс?

— Когда я узнала, что Виктория заболела, я отменила остальные приглашения. И теперь у нас с тобой идеальный случай познакомиться поближе.

— Мы знакомы. Мы видимся каждый день в школе.

— Но ведь не с глазу на глаз?

Возникла неловкая пауза. Чтобы как-то ее заполнить, Эрнест сказал:

— Это Виктория приготовила трюфели, которые я тебе принес.

— Да, кстати, про Викторину. Тебе не кажется, что она большая нахалка?

— Нахалка?

— Ну да, всюду сует свой нос.

— Это же замечательно! Если бы она дала мне хоть немного своей энергии! Она такая естественная. Она такая энергичная. Она СУЩЕСТВУЕТ!

— Она просто дрянь!

Эрнесту показалось, что ему заехали кулаком прямо в нос. Пытаясь побороть боль, он уставился на Элоди и взглядом потребовал объяснений.

— Она тебя приручила только потому, что ей тебя жалко. Она вечно повторяет: «Ох, этот бедный Эрнест, у него нет ни мамы, ни папы, ни братьев не сестер, он живет в старом склепе».

- И ты все это знаешь?
- Все, что знает Виктория, известно всему свету. Хочешь узнать что-нибудь о себе — спроси у кого угодно в классе.
- Раз ты все про меня знаешь, нам больше нет необходимости общаться.
- Но ты-то ничего не знаешь про меня...
- Я уже узнал все, что нужно. Пока!

13. Иссахар

 асставшись с Элоди, Эрнест, хотя и знал, что у Монтарданов может подцепить заразу, бросился к Виктории. Ему открыл Иссахар, студент-медик двадцати одного года от роду. На шее у него висел стетоскоп, рот был закрыт марлевой повязкой, так что Эрнест едва разобрал слова, произнесенные им вместо приветствия:

— Оставь надежду всяк сюда входящий.

Иссахар был еще только студентом, но мнил себя по меньшей мере членом Медицинской академии. Бывают такие люди, которые знают не очень много, но уверены, что им известно абсолютно все. Иссахар обожал рассуждать о новых тенденциях в лечении гепатита С, рака, СПИДа, рассеянного склероза, инфаркта и других тяжелых заболеваний. Но коньком его была психиатрия. В любую фразу он

непременно вставлял что-нибудь про невроз, маниакально-депрессивный психоз, вялотекущую шизофрению, паранойю или нарциссизм. Его любимый диагноз был: «У вас патология, хроническая и врожденная».

Он постоянно мерил братьям давление и в первых же признаках легкого недомогания видел симптомы неизлечимых болезней. С ранних лет он играл в доктора и перевязывал своих верных пациентов, даже если у тех и не было никаких ссадин. Он таскал из холодильника кусочки еды и скатывал из них пилюли. С таким количеством братьев он никогда не испытывал недостатка в пациентах.

Иссахар снял маску и надел ее на Эрнеста со словами:

— Держи, у меня иммунитет.

Эрнест любил бывать в этом доме, где братьев было столько, что даже с посторонними обращались по-братски. Всякий, кто переступал порог этого дома, автоматически становился членом здешнего братства.

— Виктория спит. Она думает, что если она будет дрыхнуть два дня подряд, то поправится и в понедельник сможет пойти в школу. Пойду разбужу ее.

— Не надо, пусть спит.

Звук телевизора у Монтарданов всегда был включен на полную мощность — чтобы заглушать шум, производимый обитателями квартиры. Эрнест никогда в жизни не смотрел телевизор в свое удовольствие, но он видел телевизор в школе и потому знал, что это за штука, а вот Бабушка наверняка и по-

нения не имела об этом чуде техники. Говорящий ящик собирал вокруг себя народ. Правда, в данный момент около телевизора в гостиной на подушках расположилась совсем немногочисленная публика: Дан, Вениамин и Иссахар, а также малыш Иеремия, восседавший на коленях у Вениамина. У него текло из глаз, из носа и изо рта, и потому он вел себя очень тихо; можно было подумать, что его страшно интересует происходящее на экране.

— А, Эрнест, проходи, присаживайся. Тут рассказывают интересные вещи, — бросил мальчику Дан, не отрывая глаз от экрана.

— Это историческая передача, они приглашают живых историков и писателей, — объяснил Вениамин.

— Мертвых пригласить нельзя, — подала сонный голос Виктория, забредшая в гостиную в пижаме. Она закашлялась, согнулась в три погибели и, лишь разогнувшись, заметила Эрнеста. — О! А ты что здесь делаешь? Ты же собирался к Элоди.

— Я сбежал оттуда.

— А что, было скучно? Кто там был?

— Элоди.

— Это и так понятно.

— И еще одно редкое животное, внесенное в Красную книгу.

— Слушай, я сегодня слегка торможу, но это пройдет. Кто там был?

— Я.

— А еще кто?

— Я огласил тебе весь список.

— Ну и чем вы там занимались?

— Любовью! — ляпнул Эрнест, сам не понимая, зачем он это делает.

— Я убью вас обоих, и ее, и тебя!

— Тихо вы! — зашикал на них Дан.

— Не мешайте смотреть! — гаркнул Вениамин.

— Ух! — вставил от себя Иеремия.

— Она подстроила подлую ловушку!

— Ты не знаешь самого страшного: она заняла твое место за моей партой.

— И ты ей это позволил, Эрнест Морлес! — Эрнест не знал, что ответить. — Да я ей глаза бесстыжие выцарапаю! Не думай, я этого так не оставлю!

— Ну, все не так страшно...

— Эрнест, имей в виду, я буду за тебя бороться!

— А я за тебя, Виктория.

— И одержу победу, недаром меня зовут Викторией!

— Да заткнетесь вы или нет? В кои-то веки по телеку что-то интересное показывают!

Виктория улеглась на диван.

— Не приближайся ко мне, я заразная.

— Добрый вечер всем, — провозгласил, входя в комнату, господин де Монтардан. За ним вошли госпожа де Монтардан и кое-кто из братьев, причем каждый что-то говорил и чем-то гремел.

— Да тихо вы!

Иеремия поменял прописку. Он пересел на колени к Эрнесту и теперь норовил сдернуть с мальчика маску.

— Этот мужик из телевизора — вылитый ты, — сказал Дан, глядя на Эрнеста.

— Особенно в маске.

Эрнест стал внимательно разглядывать человека из телевизора и узнал в нем себя. Тот же подбородок, тот же рот, тот же нос, те же глаза. Рот, нос и глаза есть у всех, но достаточно сместить хоть одну деталь на миллиметр — и красота превращается в уродство.

— Да этот тип просто красавец! Ему бы в кино играть! — воскликнула Виктория.

— Красота... Но ведь в жизни есть и более важные вещи, — задумчиво проговорил Эрнест, который всегда стеснялся, когда речь заходила о физической красоте.

— Но это то, что первым делом бросается в глаза!

— Сколько можно просить вас замолчать! Это, между прочим, автор той самой книги!

Эрнест усталился в телевизор и с трудом удержался от желания дотронуться до изображения на экране.

— Гаспар Морлес, вы узнали тайны войны от вашего отца? — задал вопрос диктор.

— Я никогда не видел своего отца. Он погиб на фронте в 1940-м, до того как я родился.

«Я тоже не знаю своего отца, — подумал Эрнест, — и тем не менее нахожусь с ним в одной комнате....»

— Это твой родственник, Эрнест? — спросил господин де Монтардан.

— Возможно, это... мой отец, — проговорил Эрнест, белый как полотно.

«А я — его тайна», — закончил Эрнест про себя. На самом деле он нисколько не сомневался, что человек на экране — его отец. Он прекрасно знал это

лицо, именно оно было изображено на фотографии, которая стояла на ночном столике в бабушкиной комнате. «Но отец ли он, если он не хочет быть отцом?» — проговорил Эрнест чуть слышно.

Интервью закончилось, а Эрнест все продолжал сидеть неподвижно. Казалось, он думал, что если не спускать глаз с экрана, картинка с отцом вернется. Желание это, равно как и обида на отца, были так велики, что никакая сила не смогла бы сдвинуть мальчика с места. Этим воспользовался Иеремия, который словно прирос к коленям гостя.

— Так ты знаешь этого человека? — спросил Вениамин и тут же раскаялся в своем любопытстве.

— Он исчез сразу после моего рождения. Бабушка никогда о нем ничего не рассказывает. Тайны, кругом сплошные тайны. Я ненавижу тайны! Нет таких вещей, о которых нельзя было бы говорить. Не за тем люди рождаются на свет, чтобы играть в прятки с самими собой! Нужно искать правду, нужно всем говорить правду!

— Это не так-то просто, — сказала госпожа де Монтардан.

— А для чего же тогда жить?

— Но у твоего отца, наверное, были какие-то причины так поступить.

— Мне было всего три дня от роду. Что плохого я мог ему сделать? — выкрикнул Эрнест, с трудом сдерживая слезы.

Виктория, позабыв про микробы, подсела к Эрнесту и погладила его по голове.

— Я... я никогда не думал о нем. Я тихо-мирно жил с бабушкой и запрещал себе думать, что это не-

нормально. И только попав в первый раз к вам, я понял, что бывают и другие семьи...

— У которых свои проблемы... — заметила госпожа де Монтардан.

— То есть мы испортили тебе жизнь? — спросил Вениамин.

— Нет, наоборот, после того, как я познакомился с вами, я впервые заговорил с Бабушкой о прошлом. Она призналась, что мой отец жив. Потом я наткнулся на его книгу, потом нашел его адрес в телефонном справочнике и обнаружил, что мы с ним живем в одном городе... и с тех пор я только и мечтаю о том, чтобы с ним встретиться. И узнать, почему он меня бросил.

— Наверняка тут дело не в тебе, а в его отношениях с Бабушкой.

— А потом вот еще что: хочу ли я отца, который сам так подло от меня отказался!

— У него, наверное, были на это какие-то причины...

— Или он просто повредился рассудком... — предположил Иссахар. — Медицина знает такие случаи тяжелой депрессии.

— А может, он разом забыл про все на свете, — предложил свою гипотезу Вениамин.

— Ух! — сказал свое веское слово малыш Иеремия.

Видя, в каком состоянии их гость, госпожа де Монтардан решила, что отпускать его домой было бы опасно.

— Оставайся у нас ночевать.

— Большое спасибо, но Бабушка...

— Мы привезем ее сюда.

— Но у нее свои привычки...

— Привычки созданы для того, чтобы им изменять.

Дан уже направился к выходу, держа в руке ключи от машины, но его остановил Иссахар:

— Вообще-то везти пожилую женщину в это царство микробов... Знаете, это не самая лучшая идея.

— Право же, со мной все будет в порядке. В другой раз. Огромное спасибо.

— Кстати, знаешь, я нашел адрес и отправил твое письмо, — шепнул Эрнесту Дан, провожая мальчика к дверям.

14. Жанетта

ома Эрнеста ждал новый сюрприз. Бабушка сидела на диванчике и смотрела в сторону буфета широко раскрытыми глазами, полными безнадежной тоски. Эрнест тоже посмотрел в ту сторону и с изумлением обнаружил, что рядом с телефоном на буфете, в котором покоилось знаменитое письмо, стоит... маленький телевизор! Эрнест был так изумлен, что поднял глаза наверх, ища в потолке дыру, откуда это чудо могло свалиться с небес к ним в квартиру. Громкость была максимальной, Бабушка не знала, что звук можно уменьшить.

— Откуда он у нас? — спросил Эрнест, но по тому ужасу, который стоял в ее глазах, догадался, что ей явился тот же самый призрак, что и ему самому.

— Вы, вы тоже видели... Вы видели моего отца?

Она кивнула и закрыла глаза. Можно было бы подумать, что она умерла, если бы из-под ресниц не

выкатились несколько прозрачных капель, которые стали набухать, набухать и очень скоро превратились в целые потоки слез. Слезы всегда проложат себе дорогу.

Если микробы заразны, то уж слезы тем более, и Эрнест зарыдал вместе с Бабушкой. Делал он это мастерски. Они плакали долго и обильно оросили сухую пустыню своих сердец. Наконец Бабушка опомнилась.

— Жанетта и Анриетта против моей воли принесли сюда этот телевизор. Они купили новый и упростили меня поддержать у себя этот до тех пор, пока он не понадобится Анриетте.

— Бабушка, я его видел. Я видел его по телевизору. Скажите мне, что случилось, почему он нас бросил? Чем вы его обидели?

— Я его зачала. Родила. Выростила в одиночку. Я его любила. И люблю.

— Но вы его искали?

— Нет. Материнская опека не может быть вечной. Рано или поздно дети уходят.

— Но он меня бросил!

Бабушка пожала плечами и тяжело вздохнула.

— Бабушка, дорогая Бабушка, что тогда случилось?

— Не знаю. Он не выдержал. Я не научила его быть сильным. Не знаю...

— Он не выглядит страдальцем...

— Каждый, кто страдает в одиночку, страдает еще сильнее. Никому не дано знать, что переживает другой человек.

Эрнест выключил орущий телевизор. Как только ящик замолк, бабушке и внуку сразу полегчало.

— Я написал ему письмо...

Жанетта помогала своей дочери вести хозяйство у Морлесов — не потому, что Анриетта не справилась бы сама, но потому, что Жанетта тоже привязалась к этой неустроенной семье. В свой выходной она приходила пообщаться с Бабушкой и рассказывала ей последние новости из жизни Монтарданов. Они были для нее как родственники, хотя она и не всегда одобряла их экспансивность, их бьющую через край жизненную силу, а главное, их многочисленность.

— Вы понимаете, их уже шестнадцать! Если к каждому приходят друзья, это все равно что полк солдат. А я ведь не в дом отдыха нанималась работать и не в санаторий! Но они хорошие ребята и всегда мне помогают.

Жанетта перевезла Жермену из госпиталя к Морлесам и помогла ей устроиться. Трое из братьев Монтарданов переклеили обои в одной из многочисленных комнат, чтобы больной было уютнее.

Жермена, еще более худая и желчная, чем раньше, с первой же минуты прониклась к Жанетте и ее дочери тем, что называется «сильное чувство».

Только чувство это было не любовь, а ненависть. И эта ненависть возрастала с каждым днем, с каждой новым покушением на Жерменины принципы. Блюда, которые готовили мама с дочкой, Жермена считала отвратительными и не сомневалась, что они в самое ближайшее время погубят Бриллианту. Даже тот факт, что старая дама поправилась, что у нее появился аппетит не только к еде, но и к жизни, что она стала одеваться, разговаривать и даже иногда смеяться, не мог смягчить Жермену. Что же касается Эрнеста, то насчет него Жермена знала твердо: он попал в дурную компанию и непременно станет хулиганом.

Жермена была готова удушить Анриетту, которая делала все, чего сама Жермена не сделала бы ни за что на свете. Поэтому Жермена мешала Анриетте, как могла. Она прятала специи и постоянно наговаривала хозяйке на новую кухарку. Больше того, она утверждала, что уже достаточно окрепла, чтобы взяться за работу, а самозванку надо выставить за дверь.

Приходилось остужать ее пыл:

— Вам после операции велено три месяца не работать. Вот и отдыхайте, вы это заслужили.

А вот телевизор пришелся Жермене по вкусу, она смотрела его с утра до вечера. Она знала программу наизусть и никогда не пропускала свои любимые передачи. Включив телевизор, Жермена замолкала, и в доме наступал покой.

Вскоре после посещения дома Виктории Эрнест заболел тем же самым гриппом, каким болели

Монтарданы. Болезнь эта могла послужить блистательным подтверждением страхов Жермены насчет дурного влияния.

Но дело в том, что Жермена питала слабость к Виктории. И она с восторгом выслушала рассказ о том, как Виктория отвоевала свое место за одной партой с Эрнестом. Девочка просто-напросто написала учителю следующее письмо:

Глубокоуважаемый господин учитель!

Как Вы, наверное, знаете, я сменила не одну школу, пока родители, наконец, не нашли квартиру, где могли бы поместиться все шестнадцать душ, из которых состоит наша семья. Понемногу я привыкла к Вашему классу и прекрасно себя чувствую на том маленьком островке, где обитаем мы с Эрнестом Морлесом. Он мне помогает (Вы сами видите результаты этого по моим контрольным), он меня подбадривает, я Вам даже больше скажу: мы любим друг друга и непременно поженимся (чуть попозже).

У Элоди Эно нет никаких прав на мое место. Я допускаю, что она,

возможно, тоже любит господина Морлеса. И не она одна. Но это ее личные проблемы! Жизнь устроена так, что нельзя иметь все, что хочешь. Но вот я, если Вы не вернете мне мое законное место около Эрнеста, я точно выйду из строя. Я дышать-то не смогу, а что уж говорить о работе! (Кто не дышит, тот не работает.)

Моя просьба не каприз, это — жизненная необходимость.

Я верю в Вашу справедливость и не сомневаюсь, что Вы как настоящий педагог создадите мне идеальные условия для работы.

Ваша Виктория.

Эрнест был весь красный от температуры, но, прочитав черновик письма, он покраснел еще больше.

— Ты сама написала такое письмо?

— Да...

— И про настоящего педагога?

— Это подсказал Дан.

— А про «выйду из строя»?

— Идея Вениамина.

— А про «верю в вашу справедливость»?

— Симон.

— А что сказал Иеремия?

— Он сказал «Ух!»

— А Элоди?

— О, она много раз сказала «Ух!», а теперь вообще со мной не разговаривает. И я с ней тоже. Не больно-то и хотелось.

— Здорово...

— Ты про что?

— Про вас обеих...

— Нельзя любить всех. Будем любить тех, кого действительно любим.

Теперь в доме Морлесов было совсем не скучно: Жермена дулась, Анриетта воплощала в жизнь свои фантазии, Бабушка совершала новые и новые подвиги, а Эрнест ждал ответа на свое письмо. Вдобавок, пока Эрнест болел, его по очереди навещали братья Виктории.

С тех пор как на буфете разместились телефон и телевизор, Эрнест не раз вспоминал про письмо, которое лежало в буфете. Раньше оно занимало такое огромное место в их с Бабушкой жизни. Он решил перенести его в свою комнату и попробовать расшифровать самостоятельно. Когда мальчик в очередной раз вглядывался в иероглифы, в комнату вошел Дан. Увидев в руках у Эрнеста письмо, он радостно воскликнул:

— Ты получил ответ?

Эрнест грустно покачал головой:

— Это письмо, которое мой прадедушка отправил с фронта во времена Первой мировой войны.

— Ух ты! Дай посмотреть! — Дан бросил взгляд на письмо. — Да, эту штуку способны расшифровать только знаешь кто? Эксперты, графологи, архивисты или такие типы, которые называются палеографы. Или, на худой конец, аптекари.

— Но где их взять?

— Я подумаю над этим вопросом, — сказал Дан и ушел. Очень скоро его сменил Вениамин.

Письмо по-прежнему было в руках Эрнеста, рядом лежал конверт. Вениамин его внимательно его осмотрел.

— Интересно, очень интересно. Ты не дашь мне его на некоторое время? Мне нужно свериться с одной книгой.

— А ты не мог бы принести ее сюда? — Эрнесту очень не хотелось расставаться с письмом.

— Легко. Договорились, в следующий раз я заявлюсь сюда с книгой. Идет?

— Идет, — сказал Эрнест. А сам подумал: «Идет-то идет, но вот куда?»

15. Гаспар

асморки приходят и уходят. Эрнест не был ленив, но тем не менее валяться в кровати под одеялом ему понравилось. За пределами его комнаты кипела жизнь, но его это не касалось. Болезнь — хороший способ отдохнуть от суеты мира.

Потом он снова начал ходить в школу, общаться с Викторией и со всеми остальными. Как и раньше, он прилежно учился, ел вкусные обеды, приготовленные Анриеттой, выслушивал саркастические замечания, отпускаемые по этому поводу Жерменой. И все это время он ждал.

Он ждал письма. Недели проходили, но его мечты все не сбывались, как вдруг, в один прекрасный день оно пришло. Даже не письмо, а целый ящик писем: обливающийся потом почтальон еле его приволок.

Собрав все силы, Эрнест перетащил ящик в комнату, стараясь не шуметь и не привлекать внимания Бабушки и Жермены. Он вскрыл ящик и достал оттуда десять папок, на каждой из которых был проставлен год. На первой — год его рождения, на девяти остальных — все последующие годы вплоть до нынешнего. Эрнест открыл первую папку и начал читать:

Дорогой Эрнест,

Я дал тебе свою фамилию, но я не хочу заниматься тобой. Смерть твоей матери стала и моей смертью. Я больше не жилец на этом свете. Я еще дышу, хожу, ем, пытаюсь мыслить, но я там, далеко... с ней. Мои страдания невыносимы. Я оставляю тебя с Бабушкой и знаю, что веду себя как последний эгоист. Я думаю только о себе. Моя трагедия в том, что я больше не могу сжать в объятиях твою мать.

«Но ты бы мог сжать в объятиях меня!» — подумал Эрнест, на секунду прервав чтение. Ответ на его упрек последовал незамедлительно.

Конечно, у меня есть ты. Я твой отец. Я всегда считал себя сильным человеком... но это было тогда, когда от меня ничего не требовалось. Я жил вдвоем с мамой, вел жизнь скромную и печальную, прилежно учился, но не был готов к настоящим трудностям. И вот я бегу, хотя и знаю, что от самого себя убежать невозможно. Мне предложили работу в Канаде. Я согласился. Мой поступок — проявление трусости, и простить меня невозможно. Но я не понимаю, как продолжить исследования с ребенком

на руках. Возможно, когда-нибудь ты меня все-таки простишь.

Отец писал Эрнесту каждый день, иногда письма были короткие, иногда длинные, с описанием всего, что он сделал за день. Порой он высказывал свои философские взгляды, рассказывал о своих исторических разысканиях. Каждое письмо начиналось словами «Дорогой Эрнест!» или «Дорогой сын!»

Эрнест с трудом заставлял себя отрывать от чтения, потому что ему хотелось проглотить все сразу. Каждое письмо еще на один шагок приближало его к отцу, и он чувствовал, как сердце его переполняется впечатлениями... переполняется и вот-вот разорвется.

Он так много времени проводил с отцом, что даже когда не читал письма, продолжал мысленно общаться с ним и немного отдалился от Виктории. Взгляд у него стал туманный и загадочный. Но Виктория была человеком чутким и понимала, что сейчас Эрнеста лучше не трогать. Жермена с удовлетворением констатировала, что Эрнест перебесился и снова стал нормальным. Анриетта пичкала его плодами своих кулинарных экспериментов и призывала смотреть веселей, а Бабушка и сама слишком часто впадала в задумчивость, поэтому ничего не предпринимала и только внимательно наблюдала за внуком.

Лишь один Вениамин, как и раньше, приходил к нему в гости с разными книгами по филателии. Эрнест жалел, что отец не слал ему все эти письма по почте, тогда бы коллекция его друга пополнилась множеством редких экземпляров.

По письмам можно было проследить за странствиями Гаспара по Канаде и США, из одного университета в другой. В конце концов он осел в Кембридже, штат Массачусетс, где познакомился с симпатичной американской лингвисткой. Вскоре они поженились. Он писал об этом так: «Пустота в сердце осталось прежней, и она никогда не заполнится, но новая любовь стала бальзамом для моих ран».

Юная американка, которая, если верить Гаспару, прекрасно говорила по-французски, однажды вечером сообщила мужу, что беременна. За последние десять лет она делала подобное признание в общей сложности пять раз.

Таким образом, Эрнест выяснил, что у него имеются пять младших сестер — Черничка, Клементина, Слива, Вишенка и Яблочко. Им было соответственно восемь, шесть, четыре и два года. А самой маленькой недавно исполнилось шесть месяцев, и Эрнест прочил ее в жены Иеремии.

Думая про них, Эрнест испытывал такое сильное желание их увидеть, что даже ощущал зуд во всем теле и принимался для успокоения есть шоколад. Гаспар заверял сына, что новые дети не вытеснили мальчика из его сердца.

Ночи напролет Эрнест сидел над письмами, содержащими историю жизни отца, без которой его собственная жизнь была такой неполной. Он понимал, что никогда в жизни ему не доведется больше читать историю столь же увлекательную. Ему хотелось продлить удовольствие, но остановиться он не мог.

И вот, наконец, он дошел до того момента, когда отец получил приглашение на год приехать во Францию.

Я сделал это, чтобы быть ближе к тебе, чтобы попробовать познакомиться с тобой. Я ждал тебя у выхода из школы, той самой школы, где когда-то учился и я, но я не решался к тебе подойти. Что я мог тебе сказать? «Привет, дружок. Я твой отец. Ты меня не помнишь? Я тот тип, что бросил сына, когда ему исполнилось три дня, и обрек его на ту же безрадостную жизнь, что была в детстве у меня самого». Я понял, что сделал из тебя своего близнеца. Впрочем, возможно, так поступают все отцы. Чем дольше я колебался, тем труднее мне было решиться. А потом оказалось просто невозможно. Я чудовище. Признать свою вину еще не значит ее загладить.

Я кружил вокруг дома. Я видел, как у тебя появилась красавица-подружка, которая принесла радость в твою жизнь. Я даже узрел невиданную картину: вы с Бабушкой в солнечное воскресенье выходите на прогулку!

Бедная моя мама! Что тут скажешь? Она сделала то немного, что могла. Но она не смогла оправиться от обрушившихся на нее потрясений. Некоторые люди умеют преодолевать испытания. Она — не умеет! Даже я, каким бы трусом и предателем я ни был, научился преодолевать испытания. Но нет, это неправда, я тебя не предал. И не бросил. И она тоже. Она сделала для тебя все, что умела, так же как и для меня.

Эрнест, мой дорогой Эрнест, чтобы узнать о тебе побольше, я даже познакомился с твоим учителем. Он сказал, что такой ученик, как ты, — это счастливый лотерейный билет для учителя. Один на миллион. И я был страшно горд, хотя воспитывал тебя не я. Ты так прекрасно учишься, что учитель даже не задумывался о том, в каких условиях ты живешь и работаешь, до тех пор пока не прочел твоё сочинение про воскресный поход в ресторан. Он просто думал, что ты чудаков и любишь одиночество.

Эрнест, тебе трудно в это поверить, но ты был желанным ребенком. Я очень хотел тебя, я бросил тебя, но не забыл. В моей жизни не было ни единой минуты, когда бы я не думал о тебе. Я писал тебе каждый день, хотя, конечно, делал это больше для себя, чем для тебя. Я думал о тебе дни и ночи напролет, с утра до вечера. Конечно, тебе от этого не легче! Я не знаю, сможешь ли ты меня простить. Я не знаю, смогу ли я себя простить. Я бросил тебя, возможно, чтобы наказать себя за гибель твоей мамы. Она очень ждала

тебя. Она погибла по глупой случайности (хотя бывают ли умные случайности?) — у нее началось кровотечение, которое не смогли остановить. Она, как и я, была сиротой. Когда-нибудь я расскажу тебе про нее. Она была прекрасна, как цветок. Я любил ее до безумия и сошел с ума, когда потерял ее.

Мне кажется, что теперь я почти поправился. Не до конца, но все-таки я вновь могу сказать, что существую. Я хотел бы увидеть тебя, поговорить с тобой, обнять тебя. Я хотел бы видеть тебя каждый день. Я хотел бы, чтобы ты познакомился со своими сестрами и с моей женой. Они узнали о тебе совсем недавно, это была моя тайна.

Но хотеть еще недостаточно. Не все, что хочешь, можно осуществить. Знаешь, на все нужны деньги, а преподаватели, увы, совсем не Крезы. Эрнест, я твой отец, отец плохой и бездарный, отец, уверенный, что мысль все преодолевает.

Последнее письмо из ящика было написано накануне:

Эрнест, мой дорогой Эрнест, ты вырос именно таким, каким я мечтал тебя видеть. И теперь ты должен сделать то, на что не могу решиться я. Ты должен прийти ко мне. Именно дети учат нас, как быть родителями. Приходи, когда сможешь. Но приходи скорее. Скоро мы возвращаемся в Соединенные Штаты.

Ах, зачем он не начал с последнего письма! А вдруг он уже опоздал!

16. Адриан

Тока Эрнест читал десять томов писем, зима с ее мерзкими гриппами кончилась и даже весна, изредка одарявшая людей парой солнечных минут, была уже на исходе. Приближалось лето. Анриетта напевала на кухне, готовя новый чудо-соус, Жермена дремала у телевизора, Бабушка терпеливо ждала. В один прекрасный день к Морлесам явилаеь Виктория с Иеремией на руках.

— Смотрите, смотрите все!

Она поставила младенца на ноги, и тот, качаясь, как пьяница, из стороны в сторону, потопал к Жермене, которая только и сказала:

— Ничего себе!

Воспользовавшись тем, что в гостиной в кои-то веки никто не смотрит телевизор, Эрнест решительным шагом направился к телефону. Он набрал номер

отца. Он репетировал этот звонок сотню раз, прежде чем осмелился это сделать. Никто не ответил.

Учебный год подходил к концу, и занятия шли ни шатко ни валко: учитель слишком устал. После школы Эрнест часто отправлялся к Монтарданам. Он любил смотреть, как Иеремия осваивает искусство пешего хождения. В саду они устраивали бег наперегонки.

— Невероятно! — восклицал Эрнест.

— Мы все прошли через это, — спокойно говорила Виктория.

Как-то в среду Эрнест понял, что наконец созрел для того, чтобы пойти повидаться с отцом. Так бывает, ты чего-то ждешь, о чем-то мечтаешь, что-то предвкушаешь, но даже пальцем не можешь пошевелить, чтобы воплотить мечты в жизнь. А потом вдруг наступает такой день, когда что-то меняется — и ты начинаешь действовать.

Эрнест раздобыл план города, понял, где находится нужная ему улица, и без труда нашел нужный ему дом. Он долго нажимал на кнопку домофона, но домофон, как и телефон, ему не ответил. Дома никого не было.

Эрнест обратился к консьержке, и та сказала, что Морлеса неделю назад уехали в Америку.

— А я-то уж так сильно скучаю по дочкам господина Морлеса! Уж такие они лапушки!

Эрнест понуро побрел домой, а потом вдруг вернулся и спросил:

— А они не оставили нового адреса?

— Да, конечно, подождите...

Эрнест почувствовал себя вишней, которую спилили в тот самый момент, когда все ягоды созрели. Он пошел домой, качаясь, как Иеремия.

В голове он составил письмо:

«Дорогой папа, я простил тебя за то, что ты бросил меня в первый раз. Я прочел все твои письма, в которых рассыпано много-много крошек любви и восхищения. По их следам, как новый Мальчик-с-Пальчик, я пришел к двери твоего дома. Но теперь ты бросил меня во второй раз. У меня впереди целое лето, я буду перечитывать твои письма и пытаться понять тебя».

Он отнес письмо на почту, где впервые в жизни увидел на витрине множество красивых марок. Он отстоял очередь и отправил письмо, заплатив деньгами, взятыми в долг у Анриетты.

На дворе стояла июньская жара, а Эрнест ждал ответа. Ждал недолго, вскоре по почте пришел новый пакет с очередной порцией писем. В последнем письме было приглашение провести каникулы в Америке.

«Если Бабушка захочет, пусть тоже приезжает, я познакомлю ее с внучками, принесу ей мои извинения и... мою любовь. Я пришлю вам билеты. Если хочешь показать мои письма Бабушке, я не возражаю».

Вновь у Эрнеста бешено забилося сердце. Он начал бегать по комнате, как зверь по клетке в зоопарке. Ему ужасно хотелось показать письма Бабушке. Но сперва он отложил в сторону те письма,

в которых отец писал о своем тяжелом детстве и о том, как Бабушка сделала «то немногое, что могла».

Закончив «чистку», он отнес ящик с письмами Бабушке и сказал:

— Мой отец писал мне письма каждый день с того самого момента, как он меня бросил. Я получил их несколько месяцев назад. Прочтите и вы.

Про приглашение поехать в Америку он решил сказать Бабушке попозже. Но Виктории он рассказал сразу же.

— Счастливчик!

— Может быть, ты сможешь поехать с нами, а вот Бабушка, я уверен, ни за что не согласится.

Монтарданы все как один радовались тому, что Эрнест обрел отца и обзавелся кучей сестер. Эрнест с удовольствием дал бы почитать письма и им тоже.

У Дана была для Эрнеста хорошая новость.

— Я поговорил с одним из моих преподавателей, который хорошо разбирается в почерках. Он хочет взглянуть на твое загадочное письмо.

Морлесы и Монтарданы сблизились настолько, что Эрнест отважился доверить драгоценное письмо Дану.

— Надеюсь, ты сам понимаешь, как важно, чтобы письмо не пропало. Я не сказал бабушке, что собираюсь вынести его из дома.

— Может, хочешь пойти со мной? — спросил Дан.

— Да, я бы очень хотел, я так долго бился над разгадкой этого письма.

— Ладно, я договорюсь с профессором на следующую среду, после экзаменов.

Бриллианта выходила из своей комнаты только чтобы поесть, и глаза у нее частенько были красные от слез. Жермена собиралась переехать к себе домой. Она полностью оправилась после болезни и не желала больше терпеть жирные и острые блюда, приготовленные Анриеттой. Девушка, кстати, тоже уезжала, она получила выгодное предложение из маленького семейного пансиона на Лазурном берегу: там требовался повар на лето. Бабушка сама уговорила Анриетту принять предложение, заверив ее, что они как-нибудь выкрутятся.

Эрнест подумал, что это самый подходящий момент для того, чтобы рассказать про папино приглашение, но никак не мог решиться.

Учебный год он, как всегда, окончил с отличием. Директриса лично обняла его и вручила много-многомное издание романов Марселя Паньоля. Точно такое же он получил и в прошлом году. Викторию все поздравляли с потрясающими успехами. Эрнест подарил ей Паньоля.

Девочка отправилась вместе Эрнестом и Даном к профессору, который не без труда, но все-таки расшифровал письмо. Эрнест записал текст под его диктовку. Получилось вот что:

*Мои дорогие,
на фронте очень холодно. Пришлите мне теплые кальсоны и носки. Спасибо за пирожки и штаны.
До свидания,*

Адриан.

Эрнест почувствовал себя полным идиотом, испытал разочарование, обиду, досаду — как будто он охотился на тигра, а тигр оказался бумажным.

— И это все?

— Это все.

— Точно?

— Боюсь, что да. Обычное письмо с фронта, письмо солдата, которому холодно и страшно и которому не нужно ничего, кроме теплых подштанников.

— Как ты думаешь, стоит говорить Бабушке? — спросил Эрнест Дана.

— Думаю, да. Может, ей станет легче. Все-таки одной тайной меньше.

И они пошли домой к Морлесам.

Бабушку они застали в обществе Вениамина, который радостно бросился им навстречу.

— Дорогая Бабушка, мне надо вам сказать одну очень важную вещь. Дан познакомил меня с профессором, который смог расшифровать письмо. Вот что получилось.

И Эрнест протянул Бабушке листок. Он думал, что Бабушка разрыдается, но она, наоборот, расхохоталась.

— Но это же превосходная семейная тайна! Вот в этом и состоит смысл жизни: в том, чтобы пытаться выжить. Надо отметить такое важное событие. Анриетта готовит прощальный обед, на который приглашены ВСЕ Монтарданы.

— Но я ждал от письма гораздо большего! — воскликнул Эрнест.

— Вениамин, расскажи ему! — сказала Бабушка.

— Письмо — это всего лишь письмо. А вот марка от этого письма, оказывается, стоит целое состояние. Вообще-то это самая обыкновенная марка того времени, но у нее есть крохотный изъян, который делает ее совершенно уникальной. Я нашел коллекционера, который готов выложить за нее круглую сумму.

— Ты шутишь!

— Ничуть.

Тут в комнату вошла Анриетта с миской шоколадного мусса и большим конвертом.

— Эрнест, тебе прислали билеты в Америку.

— Вы поедете, Бабушка?

— Поеду. На тот свет билеты в Америку не возьмешь.

Эрнест рухнул в кресло и уронил голову на руки, чтобы не было видно, что он плачет. Никто к нему не приставал. Когда он, наконец, поднял голову и посмотрел на Викторию, к радости примешалась чуточка грусти:

— Мы не будем видеться все лето.

— Эрнест, — сказала Бабушка, — здесь три билета. Один из них выписан на имя девицы Виктории де Монтардан. Твой отец обо всем договорился с ее родителями.

Виктория бросилась обнимать Эрнеста, а потом и всех остальных, кто был в комнате.

А Вениамин завопил, как заправский американский пионер: «Ну так вперед, на ЗАПАД!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ЭРНЕСТ	7
2. ВИКТОРИЯ	17
3. ИЕРЕМИЯ	25
4. БРИЛЛИАНТА	32
5. ЖЕРМЕНА	38
6. АЛЬФОНС	46
7. ДАН	56
8. СИМОН	64
9. ГОСПОДИН ДЕ МОНТАРДАН	73

10. АНРИЕТТА

81

11. ВЕНИАМИН

89

12. ЭЛОДИ

96

13. ИССАХАР

104

14. ЖАНЕТТА

112

15. ГАСПАР

120

16. АДРИАН

127

Литературно-художественное издание

Сюзи Моргенштерн

ПИСЬМА О ЛЮБВИ ОТ 0 ДО 10

Повесть

Для среднего и старшего школьного возраста

Ответственный редактор Е. Савина
Ведущий редактор О. Старикова
Компьютерная верстка: Ю. Конашков

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 8
Факс: (095) 924-5761, тел.: (095) 744-3170
e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:
м. «Чистые пруды», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5, кафе «Биллингва»;
м. «Чистые пруды», Потановский пер., д. 8/12, стр. 2, клуб «Проект О.Г.И.»;
Кафе «Пирог»: м. «Площадь Революции»/«Лубянка», ул. Никольская, д. 19/21;
м. «Охотный ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка, д. 12/1, стр. 1;
м. «Перово», Зеленый просп., д. 5/12

ОПТОВЫЕ ПРОДАЖИ:
тел. (095) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ НАШИ КНИГИ МОЖНО КУПИТЬ:
www.esterum.com

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.06.2005.
Формат 60×84 1/4. Гарнитура Petersburg. Объем 8,5 печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 1104.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГППО «Псковская областная типография».
180007, Рижский пр., 17

